

**УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН**

**ФОНД «ИНИЦИАТИВА ПО СОКРАЩЕНИЮ ЯДЕРНОЙ
УГРОЗЫ»**

**ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯДЕРНОГО
СДЕРЖИВАНИЯ**

**Вступительное слово
академика А.А. Дынкина на конференции
«Перспективы трансформации ядерного сдерживания»**

**Под редакцией
Алексея Арбатова, Владимира Дворкина,
Сергея Ознобищева**

**Москва
ИМЭМО РАН
2011**

УДК 327.37
ББК 66.4 (0)
Перс 278

Вступительное слово академика А.А.Дынкина на конференции
«Перспективы трансформации ядерного сдерживания»

Авторский коллектив:

Алексей Арбатов, Владимир Барановский, Владимир Дворкин, Виктор Есин

Перс 278

Перспективы трансформации ядерного сдерживания. Под
ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева
– М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 81 с.

ISBN 978-5-9535-0301-3

Настоящая публикация представляет собой пятую из серии работ в рамках совместного проекта ИМЭМО РАН и фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (“Nuclear Threat Initiative, Inc” – NTI) под общим титулом: «Россия и глубокое ядерное разоружение». В ее основу легли материалы конференции, состоявшейся 18 апреля 2011 г.

Авторы выражают благодарность сотрудникам ИМЭМО РАН за всестороннюю помощь в подготовке исследования и организацию плодотворного обсуждения. Данное исследование подготовлено в рамках Проекта по ядерной безопасности (NSP) при поддержке NTI. Дополнительную информацию можно получить на сайте NSP <http://nuclearsecurity.org> Представленные в данной работе взгляды принадлежат авторам и не отражают позиции ИМЭМО или NSP.

Prospects for the Transformation of Nuclear Deterrence

This is the fifth publication of the series titled “Russia and the Deep Nuclear Disarmament”, which is to be issued in the framework of joint project implemented by the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) and the Nuclear Threat Initiative, Inc. (NTI). It is based on the discussions at the conference held on April 18, 2011.

The authors express their gratitude to the IMEMO staff for comprehensive support in the production of this research paper and organization of the fruitful discussion. This research report was commissioned by the Nuclear Security Project (NSP) of the Nuclear Threat Initiative (NTI). For more information see the NSP website at <http://www.nuclearsecurity.org>. The views expressed in this paper are entirely the authors' own and not those of the IMEMO or NSP.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0301-3

© ИМЭМО РАН, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДИРЕКТОРА ИМЭМО РАН, АКАДЕМИКА А.А. ДЫНКИНА.....	4
КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ.....	6
ВВЕДЕНИЕ.....	9
1. СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ПРО КАК ПУТЬ К ТРАНСФОРМАЦИИ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ (В.З. ДВОРКИН).....	14
2. Понижение готовности стратегических ядерных сил к применению (А.Г. АРБАТОВ).....	19
3. ПОВЫШЕНИЕ ТРАСПАРЕНТНОСТИ ДЛЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ (В.И. ЕСИН).....	29
4. ПРАЖСКИЙ ДОГОВОР ПО СНВ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ СОКРАЩЕНИЙ (В.З. ДВОРКИН).....	35
5. ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ ВНЕШНЕЙ И ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ ДЕРЖАВ (А.Г. АРБАТОВ).....	42
6. ОБЕСПЕЧЕНИЕ МИРА И СТАБИЛЬНОСТИ ПРИ МИНИМАЛЬНЫХ ЯДЕРНЫХ АРСЕНАЛАХ И В УСЛОВИЯХ БЕЗЪЯДЕРНОГО МИРА (В.Г. БАРАНОВСКИЙ).....	58
ВЫВОДЫ.....	70
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Принятые сокращения.....	77
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Список участников конференции.....	79

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

директора ИМЭМО РАН, академика А.А. Дынкина

Уважаемые участники конференции!

Прежде всего, хочу выразить благодарность за то, что вы откликнулись на наше приглашение. Особо хочу поблагодарить зарубежных коллег, которые для этого приехали в Москву.

Сегодняшнее заседание посвящено фундаментальной проблеме трансформации ядерного сдерживания. Оно проходит под общей рубрикой «Россия и глубокое ядерное разоружение». Данная программа осуществляется в рамках второго годовичного цикла совместного проекта ИМЭМО и американской «Инициативы по предотвращению ядерной угрозы», возглавляемой Сэмом Нанном и Тедом Тернером. В этой аудитории едва ли стоит рассказывать, кто эти деятели, известные всему миру своим вкладом в дело международной безопасности.

Сейчас мы начинаем второе из намеченных в 2011 г. четырех совещаний. В начале февраля в Институте на условиях строгой конфиденциальности в рамках программы ИМЭМО-NTI прошло российско-американское заседание по вопросам стратегической стабильности. В нем участвовали эксперты из академического сообщества, военных и внешнеполитических государственных ведомств обеих стран.

В дальнейшем, в течение 2011 г. мы проведем еще два заседания, в том числе с участием Сэма Нанна, Евгения Примакова и Игоря Иванова. Мы надеемся на ваше активное в них участие.

Катастрофа с мирными японскими атомными реакторами имеет микроскопический масштаб в сравнении с неизбежными последствиями гипотетической ядерной войны. Но она есть грозное предупреждение о том, чем опасен выход атомной энергии из-под контроля человека.

Можно ли рассчитывать, что в рамках взаимного ядерного сдерживания такой контроль сохранится и впредь, как он худо ли бедно

поддерживался в течение прошедшего полувека? Особенно – в условиях глобализации, полицентричности мира, распространения ядерных материалов и технологий, активизации международного терроризма?

Мир, свободный от ядерного оружия, а значит и от ядерного сдерживания, – это, в лучшем случае, дело далекого будущего. А взаимодействие держав в борьбе с общими угрозами безопасности (включая совместную систему ПРО) настоятельно необходимо уже в текущем десятилетии. Каким образом трансформировать отношения взаимного ядерного сдерживания России и США (НАТО), чтобы открыть путь такому сотрудничеству?

Надеюсь, что сегодняшнее обсуждение наметит способы серьезной перестройки стратегических отношений держав в конструктивном направлении, не отрываясь в то же время от почвы реализма, не закрывая глаза на объективные обстоятельства, трудности и необходимые условия практической реализации этого проекта.

Желаю участникам конференции успеха и интересной дискуссии!

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Продвижение по пути трансформации ядерного сдерживания, а, тем более, отказ от него предполагает реализацию огромного комплекса мероприятий. Сохранение стратегических отношений взаимного ядерного сдерживания в концептуальных документах, развернутых силах и оперативных планах России и США (НАТО) есть наиболее осязаемое и опасное, материальное наследие холодной войны, от которого исключительно сложно избавиться. Само по себе окончание холодной войны и попытки держав перейти к партнерским отношениям не покончили с взаимным ядерным сдерживанием и его материальной базой, хотя количество ядерных вооружений в мире за последние 20 лет сократилось почти на порядок – как через соглашения, так и односторонние решения государств. Тем не менее, сохранение ядерного сдерживания делает каждый следующий шаг разоружения все более трудным и маргинальным. Более того, это состояние военных отношений держав периодически вызывает рецидивы недоверия и враждебности в духе холодной войны, препятствует более глубокому сотрудничеству государств в борьбе с новыми вызовами и угрозами XXI века.

Претворение в жизнь идеи совместной ПРО России с США и НАТО могло бы стать тем направлением взаимодействия, которое уже в обозримом будущем способно перевести отношения России и Запада на уровень тесного стратегического сотрудничества. Создание совместной ПРО означало бы переход по существу к союзническим отношениям, что создало бы предпосылки для трансформации взаимного ядерного сдерживания в более конструктивную модель отношений взаимной обороны и безопасности даже при сохранении относительно крупных ядерных потенциалов. Проблемам создания совместной ПРО авторы брошюры уделяют первоочередное внимание.

В качестве другого пути фундаментальной трансформации взаимного ядерного сдерживания рассматриваю меры понижения уровня готовности стратегических ядерных сил к применению. Авторы работы

считают, что продолжение процесса СНВ может выразиться в виде заключения еще одного договора между Россией и США в традиционном формате (до уровня порядка 1000 боезарядов). Но в дальнейшем стороны могли бы пойти по пути понижения уровня боеготовности, а не сокращения через физическую ликвидацию ядерных сил. В работе дается анализ различных концепций ядерного сдерживания, особенно концепции ответно-встречного удара. В условиях изменения характера политических отношений России и Запада, отхода от парадигмы холодной войны, упомянутая концепция нуждается в пересмотре. В брошюре анализируются пути понижения уровня готовности стратегических сил, делаются конкретные предложения по техническим мерам понижения такой готовности.

Эти меры, при сохранении достаточно крупных оперативно неразвернутых сил – наряду с интеграцией систем предупреждения о ракетном нападении (СПРН) и развитием сопряженной ограниченной ПРО для защиты от третьих ядерных государств – означали бы глубокую трансформацию ядерных арсеналов и политики взаимного сдерживания России и США в направлении взаимодействия и взаимной обороны.

Трансформация ядерного сдерживания могла бы получить сильный стимул через создание многостороннего режима транспарентности. В отсутствие такого режима некоторые действия одного из ядерных государств воспринимается другими как потенциальная угроза и вызывают с их стороны ответную реакцию, что приводит к эскалации военной напряженности. В работе предлагается комплекс наиболее значимых мер создания многостороннего режима транспарентности.

Проведя анализ положений нового Договора об СНВ, авторы констатируют, что этот Договор стал необходимым шагом вперед в возрождении процесса договорно-правового сокращения и регламентации стратегических ядерных сил (СЯС) двух крупнейших ядерных держав. В тоже время он явился продолжением традиционной линии на упрочение взаимного ядерного сдерживания на пониженных уровнях сил сторон. Несмотря на благоприятный период в российско-американских отношениях, уйти от этого наследия холодной войны в практике сокращения и ограничения вооружений пока не удалось.

Такому положению дел способствует сохраняющийся климат недоверия в отношениях России и Запада, наличие с обеих сторон

мощной внутренней оппозиции сотрудничеству и партнерству. Немаловажную роль играют и анализируемые в работе серьезные нестыковки заявляемых Россией и США внешнеполитических приоритетов и военных доктрин, практики программ вооружений.

Распространение идей безъядерного мира заставляет задуматься на дальнюю перспективу о возможностях обеспечения мира и стабильности при минимальных ядерных арсеналах, а затем и в условиях безъядерного мира. В представленной работе разбираются проблемы и дилеммы поддержания устойчивой безопасности на этапах продвижения к этой цели и после ее гипотетического достижения.

ВВЕДЕНИЕ

В данной работе, представляющей собой пятую публикацию в рамках совместного проекта ИМЭМО–NTI «Россия и глубокое ядерное разоружение», дается анализ основных возможных направлений трансформации ядерного сдерживания.

Несмотря на то, что холодная война, а вместе с ней и ядерное противостояние закончились более 20 лет назад, ядерное сдерживание занимает прочное место в документах по национальной безопасности стран-обладательниц ядерного оружия и их военно-политических объединений, а также определяет их развернутые ядерные силы и программы вооружений.

Тем не менее очевидно, что на современном этапе ядерное сдерживание становится все большим анахронизмом в эпоху провозглашения партнерства между Россией и странами Запада и в свете появления новых общих вызовов и угроз, требующих сотрудничества великих держав в обеспечении международной безопасности.

Ядерное сдерживание и заключенная в нем имманентная угроза ядерной войны могут быть полностью устранены только путем окончательного ядерного разоружения. Однако это дело далекого будущего, человечеству предстоит жить с ядерным оружием много десятилетий. Между тем уже в ближайшее время можно наметить целый ряд мер и начать действовать в направлении значительного уменьшения опоры на ядерное сдерживание, его глубокой трансформации и снижения вероятности ядерной войны к абсолютному минимуму.

Реальный прорыв в трансформации сдерживания может совершить сотрудничество в создании совместной ПРО США/НАТО и России. Создание совместной ПРО, по существу, означало бы переход в ряде важнейших аспектов национальной безопасности к союзническим отношениям, что позволило бы создать предпосылки для трансформации взаимного ядерного сдерживания, а впоследствии и полного отказа от

него. Модель такого взаимовыгодного избирательного союзничества уже действует применительно к операции ООН в Афганистане.

У участников проекта ИМЭМО–NTI и авторов данной работы сложилось достаточно устойчивое представление об архитектуре возможной совместной европейской ПРО и необходимых первоочередных шагах. На первых этапах такое сотрудничество может осуществляться через интеграцию информационных систем предупреждения о ракетном нападении России и США. Первыми шагами на этом пути могут стать возрождение проекта Центра обмена данными о пусках ракет и ракет-носителей, а также возобновление прерванной серии совместных компьютерных учений с США и НАТО по ПРО ТВД.

Другой важной мерой, направленной на снижение опоры на ядерное сдерживание, может стать понижение готовности ядерных сил к применению. Суть трансформации взаимного ядерного сдерживания в более конструктивный вид стратегических отношений держав предполагает, что по ходу сокращения и ограничения ядерных вооружений применение ЯО будет становиться все менее вероятным – причем не только в политическом, но и в военно-стратегическом плане. Первоочередными шагами должны быть безоговорочный отказ США и России от применения ЯО первыми, а затем и упразднение концепции ответно-встречного удара (ОВУ).

Поддержание большей части ракетных сил в минутной готовности к удару по территории друг друга несет латентную опасность обмена ядерными ударами из-за технического сбоя СПРН, политического просчета руководства той или другой державы, провокационного ракетного удара третьей стороны или ядерного террористического акта экстремистов. К тому же взаимное сохранение концепции и сил ОВУ является жестким препятствием для углубленного взаимодействия двух держав в борьбе с общими новыми угрозами безопасности – прежде всего, с распространением ОМУ и его носителей, международным терроризмом и стремлением последнего к обретению ядерного оружия. Ядерное противостояние «на боевом взводе» не может сосуществовать с совместными системами СПРН и тем более ПРО. При этом понижение готовности к запуску должно быть не символическим актом, а согласованными организационно-техническими и проверяемыми мерами сбалансированной и поэтапной «деактивации» СЯС, перевода все

большей их части в оперативно неразвернутое состояние, опираясь на прецедент нового Договора об СНВ.

В конечном итоге можно было бы дойти до таких уровней, когда фактически была бы устранена контрсиловая угроза для обеих сторон, что сделало бы бессмысленным планирование ОВУ. Оставшиеся боеготовыми силы двух государств обеспечивали бы исключительно потенциал «глубокого» ответного удара ограниченными, но достаточными средствами – в максимальном соответствии с принципами стратегической стабильности.

Еще одним направлением трансформации ядерного сдерживания является создание многостороннего режима транспарентности. Многие виды деятельности ядерных сил государств воспринимается другими странами, не относящимися к числу его союзников, как потенциальная угроза и вызывает с их стороны ответную реакцию, что может вести к эскалации напряжения в мире. В подтверждение этого, можно сослаться на пример Карибского кризиса 1962 г., когда тайное развертывание советских ракет средней дальности на Кубе, имевшее вполне законные стратегические основания, едва не привело мир к ядерной катастрофе.

Основная задача многостороннего режима транспарентности для трансформации ядерного сдерживания – это минимизировать эффект существующей в этой сфере неопределенности посредством мер по созданию и укреплению доверия между участниками режима.

Наиболее значимыми мерами многостороннего режима транспарентности могли бы быть следующие: обеспечение открытости ядерных доктрин и прозрачности ядерных потенциалов, предварительное уведомление участников режима об определенных видах деятельности ядерных сил, наблюдение за некоторыми видами деятельности ядерных сил, взаимные проверки соблюдения режима транспарентности.

К сожалению, несмотря на то, что отношения России и США в период президентства Б. Обамы и Д. Медведева объективно имеют наиболее позитивный, за многие годы отношений держав, потенциал сотрудничества, серьезно продвинуться по пути модификации и отказа от взаимного ядерного сдерживания пока не удалось. Вступивший в силу Договор о СНВ – хоть и стал необходимым шагом вперед в укреплении стабильности на пониженных уровнях сил и взаимной безопасности – оставил принцип обоюдного ядерного сдерживания в

неприкосновенности. То же произошло и с новой Стратегической концепцией НАТО.

Повышение акцента на ядерное сдерживание присутствует в последнем издании Военной доктрины РФ от 2010 г. и в других документах по национальной безопасности. Приоритетное значение ядерного сдерживания и обороны от «воздушно-космического нападения», которые направлены, в первую очередь, против США (и НАТО) в известном смысле входит в противоречие с декларированными целями внешней политики РФ, курсом на «партнерство через модернизацию» и построение «модернизационных альянсов» с США и Евросоюзом.

Понятно, что пока речь не может идти об отказе от сдерживания и ВКО ради «модернизационного партнерства» России с Западом, тем более в одностороннем формате. Однако в такой же мере не оправдано усиление упора на факторы военного противостояния с США и их союзниками, если исходить из того, что военная, внешняя и экономическая политика государства должны быть ориентированы в едином направлении.

Ряд новых российских программ вооружения свидетельствует о том, что российское военное руководство на деле продолжает рассматривать США в качестве главного потенциального противника. Это значит, что предпосылки сохранения отношений взаимного ядерного сдерживания исключительно велики. По всей видимости, в значительной мере, такие предпосылки существуют и на стороне США (НАТО), хотя в силу их общего военного превосходства над Россией и переключения на другие угрозы и конфликты, там это наследие не столь ярко выражено, во всяком случае, на официально-декларативном уровне.

Постепенный отказ от ядерного сдерживания, его трансформация в конструктивную модель стратегических отношений невозможны, если делать вид, что указанных обстоятельств как будто не существует. Это происходило до сих пор в переговорах по совместной ПРО и закономерным образом завело их в тупик. Для реального, а не PR-овского продвижения на этом пути – стороны должны откровенно обсуждать существующие в их отношениях аспекты военного противостояния, взаимного недоверия и дестабилизирующей неопределенности и

последовательно устранять их через соглашения и односторонние решения.

В долгосрочном плане для продвижения к безъядерному миру понадобятся договоренности о беспрецедентной транспарентности в отношении ядерных вооружений, согласования разными странами своих ядерных потенциалов, вплоть до совместного управления ими, введение режима интернационализации ядерной энергетики, ядерных материалов и технологий. В безъядерном мире должны быть обеспечены исключительно надежные гарантии против тайного или открытого возвращения ядерного оружия в вооруженные силы государств, получения к нему доступа экстремистскими организациями.

1. СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ПРО КАК ПУТЬ К ТРАНСФОРМАЦИИ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

О трансформации ядерного сдерживания. Ядерное сдерживание, как один из решающих факторов обеспечения безопасности останется, по всей видимости, в концептуальных и доктринальных установках всех ядерных государств. Это относится не только к демократическим государствам. Мир сложился таким образом, что ЯО де-факто появилось уже у ряда авторитарных и тоталитарных государств и может появиться у других. Для таких государств оно тоже будет, главным образом, средством сдерживания, хотя возможны и другие сценарии.

Поэтому когда идет речь о трансформации взаимного ядерного сдерживания, то под этим, прежде всего, подразумевается необходимость покончить с ним как с основой стратегических отношений России и США (НАТО) – одним из наиболее тяжелых последствий холодной войны, которое как огромный каток продолжает свое движение по инерции, накопленной за десятки лет острейшего противостояния двух сверхдержав и социальных систем. Помимо негативной роли ядерного сдерживания в качестве рудимента холодной войны, на современном этапе оно препятствует консолидации усилий России и Запада по противодействию новым общим вызовам и угрозам безопасности XXI века.

О необходимости трансформации сдерживания за последние двадцать лет написаны сотни книг и статей, в которых предлагаются различные направления выхода из этой порочной системы отношений. Несомненно, для этого, главным образом, необходима реализация конкретных долгосрочных совместных проектов в сфере общей безопасности. Из них один из ключевых – сотрудничество в развитии ПРО для защиты от ракетных ударов третьих стран, безответственных режимов.

ПРО и проблемы сотрудничества. Возможности и перспективы сотрудничества в области ПРО анализируются в выполненных в

последнее время исследованиях, в частности, в рамках проекта ИМЭМО–NTI, ИМЭМО – Брукингский институт, а также в контексте работы Евроатлантической инициативы по безопасности (Россия, США, европейские страны НАТО–EASI). В целом у авторов этих проектов сложилось достаточно устойчивое представление о возможной архитектуре совместной европейской ПРО и необходимых первоочередных шагах.

В значительной степени этому способствовало решение администрации президента Б. Обамы по новой Поэтапному адаптивному плану (ПАП) программы ПРО в Европе. Известно, что на четвертом этапе, как предполагается, она может приобрести стратегические возможности и будет способна к перехвату межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ). Но даже если такая ПРО будет развернута НАТО в одностороннем порядке, без участия и согласования с Россией, то по оценкам многих авторитетных специалистов, она не окажет практически никакого влияния на потенциал ядерного сдерживания России.

Расчеты показывают, что даже для поражения одной иранской ракеты средней дальности с примитивными средствами преодоления ПРО требуется, по крайней мере, пять противоракет типа СМ-3. А для перехвата только одного боезаряда российских МБР с высокоэффективными средствами преодоления ПРО, по оценкам, потребуется более 10 стратегических противоракет. Поэтому даже планировать подобную оборону не имеет смысла. Тем не менее одностороннее развертывание ПРО НАТО, безусловно, вызовет политическую напряженность и станет благодатным объектом раздувания кампании о военной угрозе реакционерами с обеих сторон.

Американская ПРО могла бы представить угрозу для российского потенциала ядерного сдерживания только в том случае, если бы США реализовали в полном объеме технические проекты СОИ первой половины 80-х годов – с космическими, воздушными, морскими и наземными рубежами ПРО. Но о такой перспективе в обозримом будущем говорить не приходится, даже при условии прихода к руководству США республиканской партии в 2012 или 2016 гг.

Однако для предотвращения политических противоракетных кризисов и для трансформации взаимного ядерного сдерживания необходимо сотрудничество великих держав в этой сфере. На первых

этапах оно может осуществляться главным образом в направлении интеграции информационных систем предупреждения о ракетном нападении России и США. Дело в том, что российские противоракеты, предназначенные для борьбы с баллистическими ракетами в диапазоне дальностей 1000–4500 км, пока что существенно уступают американским противоракетам типа ТХААД и СМ-3.

Вместе с тем интеграция информационных систем исключительно важна для эффективного применения любых систем противоракетной обороны. Российские космические эшелоны системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) слабее американских. Но вероятность обнаружения запусков ракет космическими эшелонами зависит от состояния облачного покрова в районах старта, поэтому не является стопроцентной, тем более что и американские космические эшелоны не равнопрочны в глобальном измерении. А вот радары СПРН России, прежде всего в Мингечауре и под Армавиром, обладают уникальными возможностями по обнаружению пусков ракет со стороны Ирана. При испытательных запусках иранских ракет с северного полигона по трассе в юго-восточном направлении радар в Мингечауре обнаруживает их примерно на 100–110-й секундах полета, а при боевых пусках в северо-западном направлении еще раньше, что недоступно никаким радарам американской системы предупреждения.

В принципе могут быть и другие аспекты сотрудничества. Весной и летом 2011 г. на обсуждениях вопросов сотрудничества по ПРО с американскими представителями в ИМЭМО РАН и на заседании Люксембургского форума в Стокгольме ими был предложен проект строительства в Сибири по американской технологии нового радара СПРН с ориентацией по всем азимутам и совместной его эксплуатации или предоставления этого права российской стороне при условии передачи данных США.

Можно обсуждать использование в общей информационной системе не только российских радаров СПРН, но и таких вполне современных и высокоэффективных РЛС Московской системы ПРО А-135, как «Дунай-3У», «Дунай-3М» и «Дон-2Н», которые обеспечивают обнаружение целей на расстоянии нескольких тысяч километров их сопровождение и наведение противоракет.

Это направление сотрудничества целесообразно начинать с безотлагательной реанимации проекта Центра обмена данными о пусках ракет и ракет-носителей, решение о создании которого было принято 12 лет назад бывшими президентами России и США и которое было вновь упомянуто президентами Б. Обамой и Д. Медведевым на встрече в Москве в июле 2009 г. Этот Центр практически уже был создан в Москве и мог бы интегрировать информацию от систем предупреждения России и США. В дальнейшем такой Центр можно превратить в Центр глобального мониторинга пусков ракет и предупреждения о ракетном нападении, работающий в реальном масштабе времени. Но с учетом консервативности российских и американских ведомств на начальном этапе можно было бы хотя бы реанимировать прежний проект с созданием аналогичного Центра в Брюсселе.

Параллельно с этим следует возобновить прерванную серию совместных компьютерных учений с США и НАТО по ПРО ТВД с последующим расширением этих учений за пределы театра военных действий. В формате Россия–США с 1996 по 2006 г. проведены пять компьютерных тренировок по ПРО ТВД поочередно в каждой стране. В 2003–2008 гг. проведены четыре тренировки в формате Россия–США–НАТО (в Колорадо, Голландии, Москве, Мюнхене). В дальнейшем планировалось проработать возможность проведения практических учений на российской полигонной базе с реальным применением зенитно-ракетных комплексов С-300 и «Пэтриот». Однако данное направление сотрудничества после вооруженного конфликта России с Грузией было «заморожено». В будущем такое сотрудничество нужно расширять за пределы ТВД. Перед началом реализации этих двух направлений необходимы совместные предпроектные исследования специалистов России, США и других стран НАТО.

В области систем и средств, обеспечивающих перехват ракет, вполне могут быть использованы передовой российский опыт разработки уникального программного обеспечения для обнаружения атакующих ракет, селекции боеголовок на фоне ложных целей и помех и другие разработки. Россия также располагает развитой полигонно-испытательной инфраструктурой, содержащей сеть пунктов радиолокационных, оптико-электронных и телеметрических станций, которой нет в Европе.

Таким образом, есть определенный положительный опыт сотрудничества, для него сохраняется политический и технологический потенциал, и его необходимо использовать в полной мере. Это может в долгосрочной перспективе иметь решающее значение для трансформации взаимного ядерного сдерживания: совместная ПРО означает переход от партнерства по существу к союзническим отношениям, при котором взаимное ядерное сдерживание естественным путем исключается.

Еще одно важное обстоятельство состоит в том, что цель американского плана ПРО в Европе – защита от иранских ракет. Но нельзя полностью исключать того, что иранская ракетная угроза может различными сценариями, которые здесь не анализируются, устранена. Но это не должно быть основанием для прекращения сотрудничества, которое вполне может быть инвариантным по отношению к ракетным угрозам.

2. Понижение готовности стратегических ядерных сил к применению

Ядерное сдерживание и ответно-встречный удар. Общепринято считать, что цель ядерного разоружения – достичь абсолютной гарантии, что ядерное оружие никогда не будет использовано. Однако до ядерного разоружения долгий и трудный путь, и пока стороны идут по этому пути, ядерное сдерживание останется политической и военной реальностью международных отношений.

Ядерное сдерживание – это вид военно-политических отношений государств, которые не являются союзниками или партнерами и которые находятся в пределах досягаемости их ядерных носителей друг до друга. Пока есть ядерное оружие, останется ядерное сдерживание и сохранится вероятность ядерного конфликта, если сдерживание не работает.

Поэтому по мере ядерного разоружения необходимо гарантировать, чтобы применение ЯО становилось все менее вероятным, причем не только в политическом, но и в военно-стратегическом плане. В этом суть трансформации взаимного ядерного сдерживания в более конструктивный вид стратегических отношений держав.

Ядерное сдерживание, как известно, может воплощаться в разных уровнях и составах ядерных сил государств и в разнообразных доктринах и стратегических концепциях. Наиболее опасной формой ядерного сдерживания, которая сопряжена с высокой опасностью ядерной войны, является ориентация стратегии и сил на первый разоружающий удар по противнику. Такая направленность ядерных сил в одностороннем, а тем более в двустороннем форматах – по существу превращает ядерное сдерживание в свою противоположность. Из средства предотвращения войны оно превращается в инструмент развязывания войны с целью достижения победы или снижения своего ущерба до приемлемого уровня.

В новых военных доктринах России и США, принятых в 2010 г., снижена вероятность *первого применения ЯО*, но все же эта концепция *остаётся как вариант действий в экстремальной ситуации*. Однако и

ориентация на ответный удар может принимать достаточно опасные формы. Речь идет, прежде всего, о планировании ответно-встречных ракетных ударов по получению информации от систем предупреждения о ракетном нападении.

Этот способ применения ядерного потенциала достиг своего воплощения в оперативной концепции встречного или ответно-встречного удара (ОВУ), то есть запуска ракет наземного и морского базирования на основании информации от систем предупреждения о пусках ракет противника. Другие обозначения того же понятия: «запуск по предупреждению» или «запуск в ходе нападения» противника.

Такая стратегия и ее техническая база считались высшим достижением совершенствования ядерных потенциалов США и СССР, хотя ОВУ никогда не был единственной концепцией и всегда существовал наряду с концепциями первого и глубокого ответного ударов. В военном мышлении обеих держав глубоко укоренилось восприятие стратегии и средств ОВУ как наиболее престижной формы ядерного сдерживания и самой прочной гарантии безопасности державы.

Спустя 20 лет после окончания холодной войны имеются серьезные основания для взаимного пересмотра и глубоких корректировок таких концепций.

Подлетное время МБР при ударе США по СССР/России или в обратном направлении составляет примерно 30 мин. За это время пуск ракет должен быть обнаружен системой СПРН и, после принятия решения на высшем уровне, передан приказ на запуск ракет. С начала 80-х годов после появления контрсилового потенциала у БРПЛ (американские ракеты «Трайидент-2») требования к системам ОВУ еще более ужесточились ввиду сокращения подлетного времени боезарядов БРПЛ до 15–20 мин.

Опасность случайного или непреднамеренного обмена ядерными ударами всегда сохранялась как результат технического сбоя или неправильной оценки информации СПРН. Ведь даже при идеальном срабатывании всех систем государственному руководству оставалось всего несколько минут на принятие самого апокалипсического из всех вообразимых решений – о массированном ядерном ударе по другой сверхдержаве.

Ныне из девяти ядерных государств лишь Россия и США имеют концепции ОВУ в своей ядерной стратегии и обладают соответствующей технической базой для ее осуществления. Другие государства – обладатели ЯО не имеют существенного контрсилового потенциала против сил США или РФ, и для ответного удара по ним двум главным ядерным державам не нужна концепция ОВУ. Сами по себе другие страны не обладают необходимыми для ОВУ системами предупреждения и управления, а их ракеты не поддерживаются в достаточно высокой готовности к запуску.

США способны осуществить ОВУ с использованием МБР наземного базирования. Россия – с помощью группировки ракетных войск стратегического назначения (РВСН) и частью БРПЛ на подводных лодках, находящихся в базах в состоянии боевого дежурства. Можно предположить, что две державы в совокупности постоянно поддерживают порядка 2500 ядерных боеголовок в состоянии высокой готовности к запуску, из которых около 1700–1800 в состоянии готовности к запуску по информации СПРН о ракетном нападении (т.е. готовность – несколько минут).

Доводы в пользу сохранения ОВУ и высокой готовности. Для руководства США и России можно обозначить целый ряд доводов в пользу сохранения ставки на ответно-встречный удар.

Несмотря на приведенные соображения в политических и военных кругах России и США присутствует сильное сопротивление предложениям по взаимному отказу двух держав от концепции ОВУ. Это идет вразрез с глубоко традиционной военной логикой, по которой высокая боеготовность и способность немедленного ответного удара – это огромное преимущество и важнейшая задача боевой подготовки и технического совершенствования вооруженных сил и средств.

Помимо этого есть ряд конкретных соображений в пользу сохранения этой концепции:

Первое. При осуществлении ОВУ, несмотря на все сложности такой операции, системы СПРН и боевого управления фактически будут действовать в режиме мирного времени, т. е. полностью работоспособны, в отличие от условий после ядерного удара противника.

Второе. Не будучи запущены по предупреждению СПРН, МБР наземного базирования в шахтных пусковых установках (ШПУ) будут

существенно ослаблены в результате контрсилового удара США. Асимметрия в пользу США состоит в том, что российские СЯС в большей степени опираются на уязвимые стационарные МБР (а также держат большую часть подводных лодок в базах и авиацию, сосредоточенную на малом числе аэродромов). И в то же время они обладают менее значительным контрсильным потенциалом против американских СЯС, в которых центр тяжести приходится на морскую составляющую триады.

Третье. Вероятность развертывания эшелонированной ПРО США и массового внедрения ВТО большой дальности в перспективе повышает ценность концепции ОВУ для России в целях ухода от поражения в местах базирования и для перенасыщения оборонительных систем противника.

Четвертое. Взаимный отказ от ОВУ будет или неконтролируемым (как соглашения о ненацеливании) или слишком сложным как объект переговоров, если поставить цель достижения технически реализуемого, проверяемого, безопасного, экономичного и сбалансированного соглашения при имеющихся асимметриях сил двух держав.

Пятое. В кризисной ситуации может начаться гонка по восстановлению боеготовности сил сторон, что создаст стимулы к первому удару для стороны, которая опередит оппонента.

Названные аргументы необходимо учитывать. Вместе с тем значительная часть этих доводов основана на недостаточно глубоком анализе стратегических, оперативных и организационно-технических аспектов проблематики, что обуславливает недооценку рисков ОВУ.

Риски концепции «запуска по предупреждению». Планы и средства «запуска по предупреждению», безусловно, являются показателем высочайшего уровня организационно-технического развития СЯС обеих держав. В то же время их нельзя не признать анахронизмом холодной войны, причем анахронизмом – весьма опасным.

Во-первых, в современных политических реалиях вероятность разоружающего ядерного удара США и России друг по другу, на которую была рассчитана стратегия ОВУ, практически сведена к нулю.

Во-вторых, учитывая совершенно иные ставки в любом мыслимом конфликте двух держав, критерии допустимого ущерба радикально понижены. Даже угроза потери одного или нескольких крупных городов

вполне достаточна для сдерживания ядерного нападения одной из держав на другую. Для этого более не требуется, чтобы преобладающая часть наземных сил выжила в случае гипотетического первого удара противника.

В-третьих, после распада СССР система СПРН России частично деградировала, и возросла опасность или несвоевременного предупреждения о ядерном ударе, или ошибочной оценки информации и выдачи санкции на запуск ракет по ложной тревоге со всеми предсказуемыми катастрофическими последствиями.

В-четвертых, живучесть СЯС двух держав не только не снижается, но возрастает. В снижающихся количественных потолках стратегических сил США переносят все большую часть своего потенциала на ракетные силы морского базирования. Россия в свою очередь не планирует снижать программы развития мобильных МБР наземного базирования и нового поколения ракетных подводных крейсеров стратегического назначения (РПК СН).

В-пятых, распространение ядерного оружия и ракетных технологий в мире, в том числе среди безответственных и неустойчивых режимов и экстремистских группировок, будет увеличивать вероятность случайных и провокационных запусков баллистических и крылатых ракет (особенно, морского базирования¹) и даже ядерных террористических актов, в том числе в столицах великих держав. Поддержание СЯС в режиме ОВУ в таких условиях может повлечь спонтанный обмен ядерными ударами.

Наконец, в-шестых, сохранение крупных ракетных сил в минутной готовности к удару по территории друг друга является жестким препятствием для углубленного взаимодействия двух держав в борьбе с общими новыми угрозами безопасности XXI в., прежде всего с распространением ОМУ и его носителей, международным терроризмом и стремлением последнего к обретению ядерного оружия. В частности, ядерное противостояние «на боевом взводе» не может сосуществовать с совместными системами СПРН и, тем более, ПРО.

---

¹ БРПЛ и КРМБ, запущенные с кораблей, судов и подводных лодок представляют собой особую опасность, поскольку национальную принадлежность такого ракетного удара трудно определить для осуществления адекватного ответа.

Понижение уровня готовности стратегических сил. Как представляется, ядерное разоружение едва ли пойдет по пути линейного сокращения с 1550 до 1000 боеголовок, потом (с подключением других ядерных государств и охватом нестратегических ядерных вооружений) до 500, затем до 200 и так далее до нуля.

Если Россия и США продолжат этот процесс после нового Договора СНВ, то сокращение до 1000–1200 боеголовок будет еще одним шагом в традиционном формате, но после него державы скорее пойдут по пути понижения боеготовности, а не физического сокращения ядерных сил.

В пользу этого можно привести ряд аргументов:

- неопределенность с возможностью подключения других государств к процессу ядерного разоружения;
- неопределенность оценок стабильности на уровнях ниже, чем по 1000 ядерных боеголовок СЯС;
- проблемы ограничения нестратегических ядерных систем;
- неопределенность перспектив развития систем ПРО/ПВО/ПКО и сотрудничества РФ–США–НАТО;
- проблемы высокоточных обычных вооружений и ударных космических (частично-орбитальных) систем.

Трансформация ядерного сдерживания может идти по пути взаимного отказа сначала от концепций и сил первого (контрсилового) удара – через сокращение ядерных вооружений при укреплении стратегической стабильности, которая и предполагает устранение стимулов и возможностей первого удара.

В качестве следующего шага России и США следует договориться об отказе от планирования ответно-встречных ударов по информации от систем предупреждения о ракетном нападении.

Прежде всего, если понижение готовности к запуску не сугубо символический акт, а согласованные организационно-технические и проверяемые мероприятия снижения уровня напряженности и влияния дестабилизирующих факторов, то они требуют углубленной совместной проработки и процесса согласования принципов и мероприятий.

В принципе поэтапные контролируемые меры понижения готовности могли бы быть реализованы для уровней СЯС по новому Договору СНВ. В то же время они потребовали бы более высоких затрат времени и средств сторон по сравнению с теми, которые необходимы в

случае договоренностей по дальнейшим физическим сокращениям СНВ до уровней порядка 1000 боезарядов.

Технические меры понижения готовности. Очевидно, что обсуждение конкретных организационно-технических мер понижения готовности требуют благоприятного политического климата и взаимного доверия сторон для решения множества сложнейших оперативных и технических вопросов. Способствовать этому в какой-то степени может то, что значительная часть комплекса таких технических мер обсуждалась специалистами при разработке мероприятий по подготовке к практической реализации Договора СНВ-2, который предусматривал досрочную «деактивацию» носителей, подлежащих ликвидации по указанному Договору.

При этом под «деактивацией» понималось приведение элементов ракетных комплексов каждой из сторон из исходного в такое состояние, при котором пуск ракет без возврата их в исходное состояние был невозможен. Время такого возврата могло варьироваться и поэтапно удлиняться на взаимной, сбалансированной и контролируемой основе.

В части «деактивации» МБР предлагались следующие способы:

- отделение головных частей;
- демонтаж бортовой батареи питания;
- демонтаж газогенераторов открытия крыши ШПУ;
- механическое расчленение пневмогидравлической системы предстартовой подготовки и пуска МБР.

Методы «деактивации» БРПЛ по понятным причинам могут относиться только к подводным лодкам в базах. В качестве возможных вариантов понижения готовности БРПЛ к немедленному пуску могут быть рассмотрены следующие:

- блокирование открытия крышки пусковой установки БРПЛ методом сварки;
- снятие головных частей развернутых БРПЛ;
- извлечение из пусковых установок подводных лодок их БРПЛ и помещение на хранение.

При этом все описанные способы обеспечивают полный контроль за техническим состоянием ядерной безопасности на боевом дежурстве, проведение дистанционных электрических проверок, не препятствуют проведению плановых обслуживаний и устранению неисправностей.

Исключительно важно то, что в первую очередь «деактивации» подлежали бы системы с наибольшим потенциалом контрсилового удара, одновременно оптимизированные и для ОВУ. Таким образом стратегические силы сторон трансформировались бы в потенциал исключительно ответного удара на благо стратегической стабильности.

Авиационная составляющая триад России и США обычно не связывается с концепцией ОВУ, поскольку длительное подлетное время бомбардировщиков делает их непригодными для контрсилового удара. Тем не менее при достаточно глубоком понижении готовности ракет к пуску авиацию нельзя исключать из комплекса мер проверяемой «деактивации», поскольку подлетное время бомбардировщиков (7–10 часов) будет меньше, чем время возврата ракет в исходное состояние.

В отношении бомбардировщиков могли бы применяться меры «деактивации», основанные на принципах их переоборудования для неядерных функций по СНВ-1. «Деактивация» ядерных тяжелых бомбардировщиков (ТБ) по аналогии с ракетами должна будет исключить их быстрое использование без возврата в исходное состояние. Например, такими мерами могли бы стать снятие и удаленное от авиабаз (скажем, на 100 км) хранение ядерного оружия, а затем и более глубокие меры: демонтаж внутрифюзеляжных и внешних устройств подвески ракет и бомб и т.д.

Фактически прецедент такому пути положен в новом Договоре СНВ, который делает упор на сокращении и засчете оперативно развернутых носителей и боеголовок (700–1550). «Деактивация» по существу является переводом сил из статуса развернутых в статус неразвернутых. По мере углубления «деактивации» все большая часть сил будет переводиться в неразвернутое состояние при растущем времени возврата их в статус развернутых средств. Неразвернутые вооружения тоже могут быть ограничены некоторыми потолками (чтобы ограничить возвратный потенциал), однако первоочередной задачей «деактивации» будет обоюдный отход от концепций ОВУ и переход исключительно к концепциям ответного удара.

Как показывают расчеты, в зависимости от исходного количества стратегических вооружений и методов «деактивации», время полного восстановления всех вооружений с пониженной готовностью может быть до 100 и более дней.

Например, после достижения следующего договора СНВ о сокращении СЯС примерно до 1000 боеголовок, на первом этапе можно было бы «деактивировать» СЯС двух стран так, чтобы в состоянии боеготовности осталось не более 600–700 боезарядов.

Первоначально это фактически лишило бы США средств ОВУ (МБР) и уменьшило бы число таких вооружений России, но в порядке компенсации у США сохранилось бы больше боеготовых сил в море. Последние не подходят для «пуска по предупреждению», но для обеспечения живучести они в этом и не нуждаются. Вместе с тем они обладают контрсиловым потенциалом и должны быть ограничены на последующих этапах сокращения и ограничения вооружений.

На следующей фазе можно было бы снизить уровень боеготовых сил до 500 боезарядов, а затем до 300–200 ед. и ниже. Поскольку такие меры неприменимы к подводным лодкам в море и мобильным МБР на маршрутах патрулирования, целесообразно было бы снизить их долю, находящуюся вне пунктов базирования (уменьшить так называемый коэффициент оперативной напряженности). В конечном итоге у США могли бы остаться в боеготовом состоянии по одной ПЛАРБ в Атлантическом и Тихом океанах (160 боеголовок) и 40 моноблочных МБР, а у России – 110 моноблочных МБР «Тополь-М» в шахтах и 30 МБР «Ярс» на маршрутах патрулирования (или одна ПЛАРБ на боевой службе в море).

Это фактически устранило бы контрсиловую угрозу для российских МБР и сделало бы бессмысленным планирование ОВУ. Оставшиеся боеготовыми силы двух государств обеспечивали бы исключительно потенциал «глубокого» ответного удара ограниченными, но достаточными средствами – в максимальном соответствии с принципами стратегической стабильности.

Главный принцип, который должен соблюдаться в процессе контролируемого взаимного понижения готовности СЯС, состоит в том, что контрсиловой потенциал сторон должен снижаться опережающим образом по отношению к уменьшению готовности стратегических сил к применению для ответного удара. Этим объясняется важность повышенной выживаемости сил, остающихся в боеготовом состоянии (мобильные МБР, подводные лодки на боевом дежурстве в море).

Это также необходимо, чтобы в кризисной ситуации, если начнется гонка по восстановлению боеготовности сил сторон, не возникло стимула к упреждающему удару.

В США и России можно предвидеть сильную оппозицию предложенным мерам. Для их реализации требуется существенное улучшение политического климата отношений двух держав. Это возможно не на пути деклараций, а через практические дела – договоры по разоружению и сотрудничеству в вопросах безопасности.

Такое понижение готовности при сохранении достаточно крупных оперативно развернутых сил, наряду с интеграцией систем СПРН и развитием сопряженной ограниченной ПРО для защиты от третьих ядерных государств, означало бы глубокую трансформацию ядерных сил и политики взаимного сдерживания России и США в направлении взаимодействия и частичной взаимной обороны. При этом путем договоренности об ограничении оперативно развернутых (боеготовых) ядерных сил можно было бы привлечь к ядерному разоружению и третьи ядерные державы.

В конечном итоге, по мере приведения количества боеготовых сил к нулю можно было бы на многосторонней основе перейти к так называемому виртуальному сдерживанию – т. е. переводу ядерных сил в неразвернутый статус и устранению ядерного сдерживания из реальной политики обеспечения безопасности. Потенциал взаимного восстановления с большим временным интервалом сил для реального сдерживания сохранялся бы лишь как гипотетическая возможность в расчете на непредвиденный случай.

3. ПОВЫШЕНИЕ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ ДЛЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

Трансформация ядерного сдерживания вряд ли достижима, если в этой сфере не будет создан многосторонний режим транспарентности. Данное убеждение основывается на наличии в сфере ядерного сдерживания такого очевидного фактора как дилемма (неопределенность) безопасности.

Любая активность государства – обладателя ядерного оружия воспринимается другими государствами, не относящимися к числу его союзников, как потенциальная угроза и вызывает с их стороны ответную реакцию, что приводит к эскалации напряжения в мире. В подтверждение этого можно сослаться на пример Карибского кризиса 1962 г. Тогда именно скрытность действий Советского Союза по размещению на Кубе ракетно-ядерного оружия и возникшая в увязке с этим неопределенность в отношении его дальнейших намерений привели к резкой реакции Соединенных Штатов. В ходе кризиса полеты американских стратегических бомбардировщиков вблизи границ СССР, патрулирование многоцелевых подводных лодок последнего с ядерными торпедами на борту в зоне блокады, а также интенсивная работа советских специалистов по приведению ракет на Кубе в боевую готовность – воспринимались другой стороной как подготовка к ядерному удару и чуть было не привели к ядерной катастрофе.

В итоге, мир оказался на грани развязывания ядерной войны. К счастью для человечества разум политиков все же восторжествовал над эмоциями, и обе сверхдержавы смогли достичь компромисса: Советский Союз убрал с Кубы ядерное оружие, а Соединенные Штаты отказались от намерения вооруженного вторжения на Кубу.

Стремясь не допустить повторения подобных коллизий в дальнейшем, Москва и Вашингтон согласно подписанному ими в июне 1963 г. Меморандуму установили линию прямой связи, а в сентябре 1971 г. подписали Соглашение о мерах по уменьшению опасности

возникновения ядерной войны между СССР и США. Оба этих документа остаются в силе до сих пор.

Возможно ли ныне возникновение кризиса, подобного Карибскому? Такая возможность не исключается, поскольку теперь сфера ядерного сдерживания охватывает не только Россию и США, но и всю девятку «ядерного клуба». Поведение же в той или иной ситуации других ядерных государств, особенно непризнанных, трудно предугадать.

Необходимость расширения транспарентности. Для того чтобы свести к минимуму возможность возникновения ядерного кризиса, подобного Карибскому, необходима расширенная транспарентность в отношении намерений государств – обладателей ядерного оружия. Парадоксально, что в такой сфере как обычные вооружения существует многосторонний режим транспарентности, а в сфере ядерных вооружений, гораздо более опасной для существования человечества в случае ядерного конфликта, подобного режима нет.

Главная задача создаваемого многостороннего режима транспарентности для трансформации ядерного сдерживания – это минимизировать эффект существующей в этой сфере неопределенности посредством реализации комплекса мер по созданию и укреплению доверия между участниками режима.

Для выполнения этой задачи представляется полезным воспользоваться теми инструментариями, которые выработаны Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе для обеспечения транспарентности в отношении обычных вооруженных сил. Это, прежде всего, Венский документ 1999 г., предметом которого является поэтапное осуществление эффективных и конкретных действий, направленных на укрепление доверия и безопасности и в достижении разоружения, а также Договор по открытому небу 1992 г., который предоставляет право его участникам осуществлять воздушное наблюдение за опасной военной деятельностью. Много полезного можно позаимствовать и у адаптированного Договора об обычных вооруженных силах в Европе, который, к сожалению, в силу пока не вступил. Безусловно, следует использовать богатый опыт по транспарентности в сфере ядерных вооружений, который приобретен в процессе реализации советско-американских и российско-американских договоров и

соглашений по ограничению, сокращению и ликвидации определенных типов ядерного оружия.

Обеспечение открытости ядерных доктрин. Обеспечение открытости ядерных доктрин государств – обладателей ядерного оружия, и предсказуемости их поведения в отношении возможного применения ядерного оружия может стать первой подобной мерой.

К настоящему времени пятерка официально признанных ядерных государств – США, Россия, Великобритания, Франция и Китай продемонстрировали определенную (одни в большей, другие в меньшей степени) открытость своих ядерных доктрин. По большому счету все эти ядерные державы привержены принципу неприменения первым ядерного оружия, правда, каждая из них интерпретирует этот принцип по своему, допуская существенные оговорки. Поведение в сфере применения ядерного оружия тройки непризнанных ядерных государств – Индии, Пакистана, Северной Кореи, а также Израиля, негласно обладающего ядерным оружием, непредсказуемо, поскольку эти государства воздерживаются от опубликования своих ядерных доктрин.

В 1995 г. «ядерная пятерка» в преддверии Конференции по рассмотрению и продлению действия Договора о нераспространении ядерного оружия сделала односторонние заявления о неприменении ядерного оружия против государств, не обладающих таким оружием. Однако по прошествии более чем 15 лет, несмотря на настоятельные требования неядерных государств, входящих в Движение неприсоединения, о заключении юридически обязательного международного соглашения о предоставлении неядерным государствам гарантий против применения или угрозы применения ядерного оружия (так называемых негативных гарантий безопасности), такое соглашение не подписано. О готовности его подписать заявили лишь Китай и Россия. Под вопросом находится присоединение непризнанных ядерных государств к такому соглашению. Так, Израиль, например, делает вид, что вообще не имеет отношения к этой проблематике.

Подписание соглашения о негативных гарантиях безопасности пусть только «ядерной пятеркой», несомненно, способствовало бы трансформации ядерного сдерживания. К тому же это стимулировало бы присоединение в дальнейшем к указанному соглашению непризнанных ядерных государств.

Обеспечение прозрачности ядерных потенциалов. Эта мера может стать второй на пути государств – обладателей ядерного оружия к расширению транспарентности.

Неопределенность, тем более, скрытность вокруг накопленных ядерных арсеналов вносит элемент подозрительности в отношении намерений обладателей этих арсеналов, подрывает к ним доверие.

Если сегодня «ядерную пятерку» выстроить по рейтингу прозрачности ядерного потенциала, то можно представить такую последовательность: Великобритания, Франция, США, Россия и Китай. Последний крайне скупно раскрывает информацию о своих ядерных силах. Что касается тройки непризнанных ядерных государств, то информация об их ядерном потенциале покрыта мраком, а Израиль даже не признает наличия у него ядерного оружия.

Предварительное уведомление участников режима транспарентности. Такое уведомление об определенных видах деятельности ядерных сил может стать третьей мерой. Имеются в виду, прежде всего, уведомления о проведении крупномасштабных учений с привлечением ядерных сил, учебно-боевых и испытательных пусков баллистических ракет и о иных мероприятиях, способных вызвать озабоченность других участников режима транспарентности.

Во времена холодной войны отсутствие заблаговременной информации, к примеру, о проведении в США учения со стратегическими наступательными силами вызывало у руководства Советского Союза повышенную военную настороженность, вплоть до усиления дежурных смен на пунктах управления стратегическими ядерными силами. А каждый пуск американской баллистической ракеты межконтинентальной дальности воспринимался как потенциальная угроза. Сейчас другие времена, но фактор ядерного сдерживания не исчез, а лишь отошел на задний план текущей политики, причем «ядерный клуб» расширился. Поэтому необходимо распространение мер доверия на ту ядерную деятельность, которая способна вызвать настороженность не только у участников режима транспарентности, но и у целого ряда неядерных государств.

Наблюдение за определенными видами деятельности ядерных сил. Подобное наблюдение может быть принято в качестве четвертой меры.

В настоящее время участники Договора по открытому небу, район применения которого простирается от Ванкувера (Канада) в восточном направлении до Владивостока (Россия), вправе совершать облеты территорий друг друга для наблюдения за опасной военной деятельностью. При этом под наблюдение может подпадать и деятельность ядерных сил США, Великобритании, Франции и России. Как показывает практика, такие наблюдательные полеты позволяют «снимать» озабоченности участников Договора по открытому небу в отношении военной деятельности того или иного государства, присоединившегося к этому Договору, и тем самым повышается уровень взаимного доверия.

Вне рамок Договора по открытому небу остаются Китай, а также тройка непризнанных ядерных государств и Израиль. Чтобы Договор стал полноценным инструментом создаваемого режима транспарентности, район его применения должен охватывать все ядерные государства. Реально достижимым представляется вовлечение в него Китая, Индии и, возможно, Пакистана.

Взаимные проверки соблюдения участниками многостороннего режима транспарентности. Проверка взятых обязательств является необходимой пятой мерой.

Не секрет, что сегодня многие государства в рамках тех возможностей, которыми они располагают, используют национальные технические средства для наблюдения за военной деятельностью других государств. Особенно активно национальные технические средства контроля из числа ядерных государств используют США, Россия, Китай, Франция, Великобритания, Индия и Израиль. Но добытая при этом информация о деятельности ядерных сил зачастую нуждается в дополнительной проверке на местах.

Ныне такие проверки на местах на взаимной основе могут осуществляться только в формате Россия – США, в соответствии с заключенным между ними в апреле 2010 г. Пражским договором СНВ. Представляется, что при создании многостороннего режима транспарентности потребуется распространить российско-американскую практику проверок на местах на всех участников этого режима. При этом проверки были бы обусловлены не контролем за ограничением вооружений, а сверкой соответствия реальности заявленных данных о

ядерных силах держав. Количество и виды таких проверок – это предмет будущего соглашения о создании многостороннего режима транспарентности, но очевидно, что они будут менее широкими и строгими, чем по Договору СНВ.

Обозначенные меры транспарентности, безусловно, не являются исчерпывающими, но и многие из них будет трудно реализовать. Однако без продвижения по пути расширения транспарентности реально трансформировать ядерное сдерживание не представляется возможным.

Для того чтобы перевести идею создания многостороннего режима транспарентности в практическую плоскость, необходимо, прежде всего, создать дискуссионную площадку для обсуждения проблем в сфере ядерного сдерживания. Вопрос о создании такой площадки должен быть решен в первую очередь представителями пяти ядерных держав. В последующем формат мог бы быть расширен за счет вовлечения других ядерных стран.

Очевидно, что создание многостороннего режима транспарентности потребует проявления политической воли и настойчивости, в первую очередь, от глав государств, входящих в «ядерную пятерку».

4. ПРАЖСКИЙ ДОГОВОР ПО СНВ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ СОКРАЩЕНИЙ

Подписанное в июле 2009 г. на саммите в Москве «Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений» свидетельствовало как об определенном прогрессе в начавшемся стратегическом диалоге России и США, так и о значительных проблемах, которые предстояло решить. Эти проблемы были связаны не только с известными разногласиями между Россией и США по вопросам ПРО, по оснащению стратегических носителей обычными высокоточными зарядами на стратегических носителях, наличием возвратного потенциала американских СНС после выполнения условий нового Договора. В США и России существуют круги, которым тесный стратегический диалог сторон представляется не соответствующим интересам национальной безопасности.

Достаточно упомянуть резкие протесты в США в связи с решением президента Обамы сократить на 14% расходы на ПРО, отказом от продолжения программы НИР по «надежной сменной боеголовке» (RRW), по созданию новых ядерных боезарядов. В России также существует позиция, в соответствии с которой США втягивают российские СЯС в процесс разоружения с целью достижения абсолютного военного превосходства за счет своего многократного превосходства по силам общего назначения, новейшим стратегическим неядерным средствам и системам ПРО. Именно эти разногласия привели к широкому начальному диапазону разногласий по стратегическим носителям (500–1100 ед.) и боезарядам (1500–1675 ед.).

В результате значительных усилий сторон препятствия на пути к новому Договору по СНВ удалось преодолеть. (Полное название – Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений.) Он был подписан

президентами России и США 8 апреля в Праге и ратифицирован Сенатом США в декабре 2010 г., а Федеральным Собранием РФ в январе 2011 г.

Основные параметры нового Договора о СНВ. В отличие от своего предшественника, новый Договор в соответствии со ст. II в качестве основных ограничений содержит только допустимые пределы по боезарядам на развернутых носителях (1550 ед.), по количеству развернутых носителей (700 ед.) и суммарному количеству развернутых и неразвернутых пусковых установок МБР, БРПЛ и по числу ТБ (800 ед.). Никаких ограничений на структуры или подуровней ядерных триад сторон нет. Существенные изменения (ст. III) по сравнению с Договором СНВ-1 претерпели правила засчета боезарядов: их количество определяется по реальному оснащению МБР и БРПЛ независимо от числа «посадочных мест» на платформах разведения или максимального количества боеголовок, с которыми они были когда-либо испытаны, а любое количество КРВБ на ТБ считается за один боезаряд. Для вывода из числа развернутых подводных ракетоносцев нет необходимости не только полностью вырезать ракетные отсеки из корпуса ПЛАРБ, но и изымать из них пусковые установки («трубы»), что было определено условиями предыдущего Договора. Достаточно удалить крышки пусковых установок, связанных с ними обтекателей и, если возможно, газогенераторов (Протокол, гл. III, раздел IV, п. 1).

Для исключения из засчета СНВ подводной лодки, если все ее пусковые установки переоборудованы таким образом, что из них не могут запускаться БРПЛ (например, при переоборудовании их для запуска крылатых ракет), достаточно продемонстрировать факт переоборудования способом, который может быть избран стороной, осуществляющей переоборудование (Протокол, гл. III, раздел IV, п. 7).

Новый Договор по СНВ не накладывает никаких ограничений на модернизацию и замену стратегических наступательных вооружений. Необходимо всего лишь уведомить о новом типе МБР и БРПЛ, который отличается от ранее заявленного типа техническими характеристиками хотя бы по одному из признаков: количеству ступеней, типу топлива, по длине ракеты (без головной части), длине первой ступени, диаметру первой ступени более, чем на 3% (Протокол, гл. I, п. 42). Это дает значительно большую свободу для модернизации и изменению боевого оснащения ракет, по сравнению с условиями Договора СНВ-1.

Также сняты почти все прежние ограничения на пространственно-временные параметры и условия базирования и развертывания наземно-мобильных МБР, чему Россия придавала на переговорах большое значение.

Одна из проблем еще до начала и в процессе переговоров заключалась в американских планах по оснащению БРПЛ и МБР высокоточными неядерными боезарядами. Как следует из текста Договора, США согласились включать ракеты с таким оснащением в суммарное допустимое количество стратегических вооружений. Это означало, что в планы США не входит развертывание неядерных БРПЛ и МБР в таком количестве, которое могло бы заметно снизить ядерный потенциал СНВ (а впоследствии эти проекты были отменены). Это явилось одним из важнейших преимуществ Пражского Договора, по сравнению с Московским Договором СНП от 2002 г., большим достижением российской дипломатии и крупной уступкой США, которая почему-то не привлекла серьезного внимания общественности.

Вместе с тем Вашингтон не пошел ни на какие ограничения или методы включения в засчет стратегических подводных лодок, переоборудуемых под обычные КРМБ, и тяжелых бомбардировщиков (В-1 и дополнительного числа В-52), переоснащаемых под неядерные крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ). Что касается ядерных крылатых ракет морского базирования (КРМБ), то администрация Обамы приняла решение об их односторонней ликвидации (около 200 ед.). В отличие от переговоров об СНВ-1, Россия не ставила вопрос об их ограничении (видимо, желая сохранить эти средства в боевом составе нестратегических ядерных вооружений), и новый Договор их вообще не касается. Ограничение ядерных КРМБ было большой спорной проблемой в ходе переговоров по СНВ-1, который ограничил их отдельным потолком в 880 ед. без процедур проверки. Это еще один из многих интересных примеров того, как стороны периодически менялись местами в подходе к тем или иным системам оружия и как проблемы, казавшиеся очень серьезными, потом становились незначительными.

Большие изменения произошли в согласованной сторонами системе инспекций и уведомлений. Интенсивность инспекций снизилась с 28 до 18 в год, и они разделены на два типа. Первый тип включает в себя инспекции по подтверждению данных о количествах и типах развернутых

и неразвернутых вооружений, по количеству боезарядов на развернутых МБР и БРПЛ, а также по вооружениям на развернутых ТБ. Ко второму типу относятся инспекции по проверке данных о количествах, типах и технических характеристиках неразвернутых вооружений и фактов переоборудования или ликвидации вооружений, а также для подтверждения того, что ранее заявленные объекты не используются в целях, нарушающих положения Договора.

В соответствии с гл. IV Протокола значительно сокращен объем уведомлений относительно текущих исходных данных о состоянии стратегических вооружений, об их передвижениях, об инспекционной деятельности: 42 вида уведомлений вместо 152 по Договору СНВ-1.

Длительные дискуссии о необходимости обменов телеметрической информации завершились тем, что стороны согласились предоставлять магнитные ленты с записями измеряемых в полете параметров не более, чем при пяти пусках ракет ежегодно, при том, что каждая сторона сама выбирает конкретные пуски, по результатам которых она предоставляет необходимые данные. Это позволило полностью снять озабоченность российской стороны, связанную с тем, что только в России проводятся летные испытания новых МБР и БРПЛ, данные по которым необходимо передавать другой стороне, в то время как в США новых разработок в ближайшей перспективе не ожидается. В известном смысле, это стало новацией в ограничении вооружений, поскольку обмен информацией «не более, чем о пяти пусках» может означать и ноль. Возникает вопрос: станет ли нарушением Договора решение какой-либо стороны представить информацию о шести и более пусках?

Наряду с явной правовой нелепостью этого положения, в такой позиции России был серьезный военный недостаток: в США планировались летные испытания БРПЛ и МБР с неядерными высокоточными боезарядами, и информация по характеристикам такого типа боевого оснащения могла бы оказаться полезной для России. Отмена этих программ не означает, что к ним США никогда не вернуться, особенно, если не оправдаются надежды на новейшие ракетно-планирующие системы.

В соответствии с Договором СНВ-1, как отмечено выше, действовали 39 согласованных заявлений, а в новом Договоре остались только 10 (Протокол, гл. IX), и связаны они в основном с инспекционной

деятельностью, процедурами показов вооружений, включая осмотры пусковых установок БРПЛ, переоборудованных под крылатые ракеты и с традиционным запретом на скоростное перезаряжание (пятое заявление).

Представленный выше обзор статей нового Договора и Протокола к нему затрагивает лишь основные положения и ограничения, отличающие новый Договор от Договора СНВ-1.

Можно отметить, в частности, использование огромного опыта контроля в рамках СНВ-1, что позволило значительно уменьшить избыточные запреты и ограничения на стратегические вооружения, сократить инспекционную деятельность.

Политическое измерение нового Договора. В отличие от периода холодной войны отношения Москвы и Вашингтона теперь не наиглавнейший, а только один из ряда важных вопросов международных отношений, внешней политики США (в меньшей мере) и России (в большей мере). Точно так же стратегический ядерный баланс и переговоры о нем теперь не центральная, а лишь одна из нескольких основных проблем международной безопасности (наряду с терроризмом, нераспространением ОМУ и его носителей, локальными конфликтами и пр.). Соответственно, подход к соглашениям по СНВ стал менее жестким и придирчивым, ряд проблем и разногласий стороны отодвигают на задний план или откладывают на будущее.

Уникальной особенностью нового Договора является то, что на переговорах о нем США не преследовали цель, во что бы то ни стало ликвидировать, сократить и ограничить какие-либо вооружения или программы другой стороны (как, например, тяжелые МБР или мобильные ракеты СССР и России в прежние времена), а стремились в основном к максимальному сохранению режима транспарентности. Это объяснялось американской оценкой предстоящего сокращения российских СЯС независимо от соглашений СНВ – из-за экономических, технических проблем и ввиду специфических решений Москвы по ее стратегическим программам в прошедшем десятилетии.

Но так как Вашингтон не ставил задачу добиться определенных российских сокращений и ограничений, то и у России не было «козырей» для размена на уступки со стороны США (правила засчета, ограничения стратегических средств в обычном оснащении и пр.). Кроме того, демократическая администрация должна была готовиться к сильной

республиканской оппозиции при ратификации Договора. А Москва в свою очередь не сочла нужным уступать по режиму контроля (постоянное наблюдение в Воткинске, запрет на шифрование телеметрии и т. д.). США приняли эту позицию, поскольку были заинтересованы в новом Договоре, прежде всего по политическим соображениям: предвыборные обязательства Б. Обамы, конференция по ДНЯО. Сказался и фактор времени – сжатый график переговоров ввиду истечения срока СНВ-1 в декабре 2009 г.

Новый Договор продемонстрировал важнейшую особенность и совпадение ядерной политики Москвы и Вашингтона – отсутствие намерений осуществлять в обозримой перспективе реальные сокращения своих стратегических вооружений значительно ниже уровня, зафиксированного еще в 2002 г. в Московском Договоре о сокращении наступательных потенциалов (1700–2200 боезарядов). Пониженный уровень боезарядов по новому Договору демонстрируется главным образом лишь изменением правил засчета боезарядов на бомбардировщиках. Если принять, что на 56 развернутых американских ТБ Б-52 реально могут быть размещены 1120 КРВБ (боезарядов), а по правилам условного засчета в Договоре СНВ-1 – 672 боезаряда, то теперь их засчитывается лишь 56. Таким же путем реальное количество боезарядов (более 850) на 77 развернутых российских ТБ типа Ту-160 и Ту-95 МС превращается в 77 боезарядов.

Однако за такими новшествами стоят определенные соображения, имеющие оперативно-стратегические и экономические основания. То обстоятельство, что стороны согласились как бы понизить «удельный вес» ТБ, может объясняться представлениями об их роли в стратегических операциях ядерной триады при обмене массированными ядерными ударами, которые рассматриваются как основная форма подобных операций. Задачи ТБ считаются не вполне определенными до, в процессе и после массированных ударов МБР и БРПЛ. При реальном снижении угрозы такого конфликта значением бомбардировщиков решили вообще пренебречь, тем более что в обычной ситуации они, в отличие от ракет, не имеют ядерного оружия на борту.

Возможно, что позиция администрации президента Обамы по дальнейшим сокращениям СНВ и переговорам по этой проблеме с Россией соответствует тому, что изложено в опубликованной статье Д.

Шульца и У. Перри ². Среди прочего речь в ней идет о том, что прежде, чем договариваться с Россией о новых сокращениях стратегических вооружений, необходимо решить задачу объединения усилий в сфере ПРО в формате США–Россия–НАТО. В статье также предлагается параллельно вести консультации по тактическому ядерному оружию (ТЯО) и обычным вооружениям в Европе, по проблемам Ирана и Северной Кореи, но на первом месте – ПРО.

Новый Договор о СНВ при всех содержащихся в нем новшествах является, тем не менее, воплощением традиционной модели ядерного сдерживания. Таким образом, на практике оказалось, что даже в условиях самых благоприятных за всю историю российско-американских отношений политических возможностей, которые открывались в период президентства Б. Обамы и Д. Медведева, отойти от ядерного сдерживания в центральном документе, принятом в это время, так и не удалось.

---

² См.: Perry W., Shultz G. How to Build on the Start Treaty // The New York Times. 10.04. 2010.

5. ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ ВНЕШНЕЙ И ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ ДЕРЖАВ

Большинство российских политиков и экспертов сходятся во мнении, что Россия, не являясь членом НАТО и других западных альянсов и будучи включена в объективно существующие отношения взаимного сдерживания с другими ядерными державами, должна поддерживать большой ядерный потенциал и достаточно крупные силы общего назначения для защиты своей территории, союзников по ОДКБ и для локальных операций. При этом блок НАТО в основном рассматривается как недружественная военная сила, возможности которой надо стремиться блокировать или уравновешивать.

Российская военная политика. Военная политика России весьма противоречива. Она не просто отражает неоднозначность ее внешней политики, но в большой степени существует как бы независимо от нее. Военные приоритеты РФ в ряде случаев противоположны внешнеполитическим. При этом нынешняя военная реформа и ее программы не снимают такое противоречие, а в ряде случаев обостряют его.

В отношении приоритетов внешней политики президент Медведев выразил свою позицию следующим образом: «...Нам нужны, я уже об этом говорил, специальные модернизационные альянсы с нашими основными международными партнерами. С кем? Прежде всего, с такими странами, как Германия, Франция, Италия, с Евросоюзом в целом, с Соединенными Штатами Америки. Взятый на ростовском саммите «Россия–ЕС» (31 мая – 1 июня 2010 г.) курс партнерства для модернизации предлагает совместную разработку крупных проектов, включая технологическое перевооружение российской промышленности... Сотрудничество в сфере инноваций... может создавать вполне позитивную повестку дня в отношениях с Соединенными Штатами Америки и может позволить раскрыть и

будущий потенциал нашего взаимодействия. А он не должен ограничиваться только сокращением ракет или пикировкой по отдельным региональным конфликтам... Нас объединяет осознание того, что основу национальной безопасности составляет устойчивое и поступательное развитие. Полностью совпадает с нашим и комплексный подход к обеспечению безопасности, исходящий из понимания того, что военная сила имеет ограниченные возможности»³.

Сопоставим эту позицию с новой Военной доктриной России, принятой в феврале 2010 г., которая так определяет приоритетность внешних опасностей:

«Основные внешние военные опасности:

а) стремление наделить силовой потенциал Организации Североатлантического договора (НАТО) глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран – членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока;

б) попытки дестабилизировать обстановку в отдельных государствах и регионах и подорвать стратегическую стабильность;

в) развертывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками государств, а также в прилегающих акваториях;

г) создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, а также милитаризация космического пространства, развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия»⁴.

Понятно, что все четыре приоритетные «опасности» исходят от США и их союзников. А «распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий» и «распространение международного

---

³ Выступление на совещании с российскими послами и постоянными представителями в международных организациях // Президент России. 12 июля 2010 г. (<http://news.kremlin.ru/transcripts/8325>).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» // Российская газета. 10.02.2010 (<http://www.rg.ru/2010/02/10/doktrina-dok.html>).

терроризма», которые предполагают сотрудничество с Западом, находятся лишь на шестом и десятом местах соответственно⁵.

По поводу характера вероятных будущих войн Доктрина гласит: «Военные конфликты будут отличаться скоротечностью, избирательностью и высокой степенью поражения объектов, быстротой маневра войсками (силами) и огнем, применением различных мобильных группировок войск (сил). Овладение стратегической инициативой, сохранение устойчивого государственного и военного управления, обеспечение превосходства на земле, море и в воздушно-космическом пространстве станут решающими факторами достижения поставленных целей»⁶.

Понятно, что речь идет не о борьбе с терроризмом или радикальными режимами, а именно о войне с США и их союзниками. И чтобы не оставлять по данному поводу никаких сомнений, в Доктрине следует уточнение: «Для военных действий будет характерно возрастающее значение высокоточного, электромагнитного, лазерного, инфразвукового оружия, информационно-управляющих систем, беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, управляемых роботизированных образцов вооружений и военной техники»⁷.

Соответственно, в качестве важнейшей задачи Вооруженных Сил ставится «своевременное предупреждение Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации о воздушно-космическом нападении...», а затем «обеспечение противовоздушной обороны важнейших объектов Российской Федерации и готовность к отражению ударов средств воздушно-космического нападения»⁸.

Важно отметить, что и президент отдал дань этой стратегической линии в послании Федеральному Собранию, поставив на первое место необходимость уделить внимание «...укреплению воздушно-космической обороны страны, объединить существующие системы противовоздушной

---

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

и противоракетной обороны, предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства»⁹.

Иными словами, то ли осознано, то ли нет, первые приоритеты российской обороны и военной реформы – ядерное сдерживание и защита от воздушно-космического нападения – направлены против тех, с кем Россия должна создавать, по словам президента Медведева, «специальные модернизационные альянсы», кого рассчитывает привлечь к «технологическому перевооружению российской промышленности», с кем «совпадает... комплексный подход к обеспечению безопасности, исходящий из понимания того, что военная сила имеет ограниченные возможности». А именно, как указал президент, «с такими странами, как Германия, Франция, Италия, с Евросоюзом в целом, с Соединенными Штатами Америки» альянсы»¹⁰, с которыми на ростовском саммите «Россия–ЕС» 2010 г. взят курс на «Партнерство для модернизации».

Следует также подчеркнуть, что и в стратегическом плане две приоритетные функции Вооруженных Сил в известном смысле противоречат друг другу. А именно, упор на воздушно-космическую оборону территории страны от массированных ударов высокоточного оружия (а возможно, и от ядерных средств, хотя этот вопрос не уточняется) ставит под сомнение надежность сдерживания – решимость России ответить на такого рода нападение ядерным ударом. Между тем Доктрина подразумевает, что ядерное оружие будет применено в случае такой военной угрозы, как «воспрепятствование работе систем государственного и военного управления Российской Федерации, нарушение функционирования ее стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной

---

⁹ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. 30 ноября 2010 г. (<http://президент.рф/news/9637>).

¹⁰ Выступление на совещании с российскими послами и постоянными представителями в международных организациях // Президент России. 12 июля 2010 г. (<http://news.kremlin.ru/transcripts/8325>).

энергетики, атомной, химической промышленности и других потенциально опасных объектов»¹¹.

Можно предположить, что в случае гипотетических массированных ударов максимум, на что будут в отдаленной перспективе реально способны российские системы ПРО и ПВО, это «точечная» защита инфраструктуры системы управления, СЯС и СПРН для сохранения потенциала ответного удара. Это, кстати, вполне соответствует традиционной концепции стратегической стабильности, заложенной во все договоры ОСВ/СНВ, начиная с Договора по ПРО от 1972 г. и кончая Пражским Договором 2010 г.

Ядерное сдерживание – теория и практика. Помимо явных противоречий внешней и военной политики (доктрины), дело усугубляется расстыковкой официального военного курса (доктрины) и практических мероприятий военной реформы. В частности, речь идет о ядерном оружии и поддержании приемлемого стратегического баланса.

По поводу ядерного сдерживания в Доктрине указывается: «Недопущение ядерного военного конфликта, как и любого другого военного конфликта, – важнейшая задача Российской Федерации». А для сдерживания необходимо «поддержание стратегической стабильности и потенциала ядерного сдерживания на достаточном уровне».

Условия применения ЯО определены следующим образом: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства». Иными словами, первый ядерный удар возможен лишь в самом крайнем случае.

Согласно перечисленным стратегическим целям ставится задача поддержания стратегических ядерных сил на уровне, «гарантирующем нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях обстановки». Примечательно, что не упомянуты прежние задачи упреждающего разоружающего удара (в советской стратегической мысли это называлось «предотвращением ядерного нападения агрессора») «сокрушительного

---

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» // Российская газета. 10.02.2010 (<http://www.rg.ru/2010/02/10/doktrina-dok.html>).

возмездия» или «гарантированного уничтожения». В целом, очевидно, что новая Военная доктрина выражает более сдержанное отношение к роли и задачам ядерного оружия и в этом вполне согласуется с внешней политикой президента.

Однако практическая военная политика, в том числе программа вооружения, которая является неотъемлемой частью текущей военной реформы, идет явно вразрез и с доктриной, и с внешнеполитической линией Кремля. Речь идет о программе разработки новой тяжелой жидкостной МБР с РГЧ (до 10 боеголовок) для размещения в шахтных пусковых установках. Новая тяжелая МБР будет противоречить принципам стратегической стабильности. Эта система сконцентрирует большое число боезарядов на малом количестве стационарных носителей. Ракеты станут привлекательной целью и будут крайне уязвимы в ШПУ для удара американских ядерных МБР и БРПЛ с достаточно точными и мощными головными частями, а в перспективе, возможно, и для высокоточных стратегических систем в обычном оснащении (крылатых, баллистических ракет и орбитальных систем).

Тяжелые МБР больше любой другой системы ядерного оружия являются символом холодной войны и гонки вооружений. В этой связи появление у России тяжелой МБР, вместо создания у США стимула к более существенным ограничениям в рамках СНВ, могут вызвать прямо противоположный эффект. Стратегическая стабильность будет существенно подорвана, как и перспективы дальнейших переговоров об СНВ, сотрудничества в создании совместной с США (НАТО) системы ПРО для Европы.

Препятствия для сотрудничества в развитии ПРО. В духе «перезагрузки» отношений в 2008–2010 гг. США и Россия, а также Совет Россия–НАТО приняли ряд деклараций о совместном развитии систем ПРО.

Со своей стороны Россия предложила концепцию общей «секторальной» ПРО, по которой РФ и НАТО защищали бы друг друга от ракет с любых направлений. НАТО выступила за самостоятельные, но сопряженные по ряду элементов системы ПРО. Были созданы контактные группы на правительственном уровне и влиятельные комиссии экспертов. Они сделали серьезные предложения о принципах и первых практических шагах такого сотрудничества, в частности:

создании Центра оперативного обмена данными систем предупреждения о пусках ракет (ЦОД), возобновлении совместных противоракетных учений, общей оценки ракетных угроз, критериях и принципах стабилизирующих систем ПРО и транспарентности их развития и пр.

Тем не менее, при всей привлекательности упомянутых инициатив, переговоры летом 2011 г. зашли в тупик. Основная причина, видимо, в том, что нельзя решать проблему изолированно, поскольку противоракетные системы встроены в более широкий контекст военной политики сторон и их военно-политических отношений. И в этом контексте есть большие препятствия для сотрудничества в столь кардинальной и деликатной сфере как ПРО. Без их преодоления будет бесконечное хождение по кругу деклараций и предложений, которое никогда не обретет практического характера.

Во-первых, речь идет о мотивах программы США. В курсе Вашингтона есть большие нестыковки, которые вызывают естественные подозрения Москвы об истинных целях поэтапного адаптивного плана (ПАП) развития ПРО. И дело вовсе не в том, что у Ирана пока нет ни МБР, ни ядерного оружия. Есть серьезные причины подозревать наличие военной ядерной программы Ирана (подтвержденные претензиями со стороны МАГАТЭ и лежащие в основе шести резолюций Совета Безопасности ООН).

Дело в другом: США не раз официально заявляли, что ни за что не допустят обретения Ираном ядерного оружия (подразумевая, видимо, и решимость Израиля не допустить этого). А раз так, то стоит ли создавать крупную систему ПРО для защиты от ракет в обычном оснащении. В отличие от ядерных ракет, ущерб от удара таких носителей был бы незначителен. Для его предотвращения вполне можно полагаться на потенциал разоружающего удара и массированного возмездия с применением высокоточных обычных систем, столь эффективно использованных в Югославии, Ираке, Афганистане и Ливии.

Иногда представители Вашингтона говорят, что система ПРО будет сдерживать Иран от создания ракетно-ядерного оружия. Это весьма сомнительно. Скорее наоборот, такая система воспринимается в Тегеране как свидетельство того, что США, в конце концов, смиряются с вступлением Ирана в «ядерный клуб» – недаром иранское руководство никогда не протестовало против американской программы ПРО. С точки

зрения Тегерана, чем масштабнее ПРО США – тем лучше, так как она раскалывает Москву и Вашингтон, что позволяет Ирану продвигать свои программы все дальше.

Однако в России многие чувствуют, что в свете масштабов и характеристик ПАП ПРО противодействием иранской угрозе дело едва ли ограничивается. Помимо новых потенциальных арабских претендентов в ракетно-ядерный клуб (которые могут стать итогом арабских революций 2011 г.), есть острейшая проблема Пакистана. В случае прихода к власти исламистов эта страна превратится во второй «Иран», но уже с готовыми ракетами и ядерными боеголовками к ним. Однако, по понятным причинам США не могут открыто говорить об этой угрозе, чтобы не дестабилизировать своего нынешнего союзника, от которого зависит операция в Афганистане.

Наконец, есть фактор Китая, с которым США всерьез готовятся к долгосрочному региональному (Тайвань) и глобальному соперничеству в обозримый период XXI века. На противостояние с КНР все больше нацеливаются и наступательные ядерные силы США, и их высокоточные средства большой дальности в обычном оснащении (КРМБ), и новейшие разработки частично-орбитальных ракетно-планирующих систем (Минотавр Лайт IV). Программа ЕвроПРО – это элемент глобальной противоракетной системы, наряду с ее районами развертывания на Дальнем Востоке, Аляске и в Калифорнии. Она направлена против ограниченного ракетно-ядерного потенциала Китая, чтобы как можно дальше отодвинуть время достижения им ракетно-ядерного паритета и взаимного ядерного сдерживания с США. Но и об этом Вашингтон не может сказать открыто, чтобы не провоцировать КНР на форсированное ракетное наращивание, не пугать еще больше Японию и Южную Корею и не подталкивать их к ядерной независимости.

Мир, в котором США становятся уязвимы для ракетно-ядерного оружия растущего числа стран, включая экстремистские режимы, – это новая и пугающая их окружающая военно-стратегическая среда, с которой они не желают примириться. Вспомним, как болезненно, долго и трудно, через какие кризисы и циклы гонки вооружений в 60–70-е годы минувшего века Вашингтон приходил к признанию неизбежности паритета и своей уязвимости для ракетно-ядерного оружия СССР. Не стоит забывать и тревогу, с которой Советский Союз реагировал на

развертывание Китаем ракет средней дальности, а потом и МБР в 70–80-е годы. Сохранение Московской системы ПРО А-135 в большой мере определялось китайским фактором.

Ключевой вопрос для Москвы в том, может ли эта глобальная противоракетная система в конечном итоге повернуться против России. Самые авторитетные российские специалисты утверждают: как нынешняя, так и прогнозируемая на 10–15 лет вперед американская ПРО не способна существенно повлиять на российский потенциал ядерного сдерживания. В рамках нового Договора СНВ и даже при дальнейшем понижении его потолков (например, до 1000 боеголовок) попытка создать ПРО для защиты от российских стратегических сил потребовала бы таких колоссальных средств и дала бы столь сомнительные плоды, что нанесла бы ущерб безопасности самих США. К тому же возникли новые и более приоритетные угрозы, для противодействия которым Вашингтон нуждается в сотрудничестве, а не в новой конфронтации с Москвой. При этом, разумеется, непреложным условием является поддержание достаточного потенциала стратегических ядерных сил России в рамках Договора СНВ, чтобы ни у кого не возникло соблазна изменить в свою пользу стратегический баланс с помощью глобальной ПРО.

Другое дело, что совершенно неприемлемо нежелание Вашингтона допустить возможность корректировки программы ПРО в будущем. Раз программа называется «адаптивной», то она должна предусматривать возможность поправок не только в качестве реакции на угрозу, но и в зависимости от развития сотрудничества с Москвой. Однако Вашингтон до сих пор не определился с тем, какого вклада он ждет от России. Большие препятствия создает резкая позиция по вопросу ПРО республиканской оппозиции в Конгрессе США.

Второе препятствие – расхождение в оценке угроз. Некоторые союзники США по НАТО не вполне разделяют оценки Вашингтона в отношении Ирана, но поддержали ПАП, как новое связующее звено солидарности НАТО в условиях растущих трудностей операции в Афганистане, а также с расчетом на экономические и технологические выгоды взаимодействия.

С Россией у США есть гораздо большие различия в оценке угроз. И главное не в разных прогнозах эволюции ядерной и ракетной программ

Ирана. Если называть вещи своими именами, то основное различие в том, что большинство политического и стратегического сообщества России не считают ракетную угрозу Ирана (и КНДР) сколько-нибудь серьезной и полагают, что традиционного ядерного сдерживания вполне достаточно. А главную угрозу видят со стороны США и НАТО. Об этом открыто сказано в новой российской Военной доктрине от 2010 г., где в списке военных опасностей действия и вооружения США и НАТО (включая их противоракетные системы) стоят на первых четырех позициях, а распространение ракет и оружия массового уничтожения, против которых может создаваться ПРО – лишь на шестом месте.

Это обстоятельство резко сужает, если вообще не аннулирует, основу для сотрудничества России и НАТО в развитии ПРО. Делать вид, что этого нет, и как ни в чем не бывало обсуждать на всех уровнях технические и оперативные вопросы совместной ПРО – это ни что иное, как военная схоластика, оторванная от практической политики. Пора прямо и открыто включить эту тему в диалог по ПРО. Иначе проблема, оставаясь в тени, будет и далее блокировать любые возможности сотрудничества.

Довольно странно выглядит на этом фоне предложенный Москвой проект «секторальной» ПРО, согласно которому Россия возьмет на себя ответственность за оборону НАТО, а последняя будет защищать Россию. Причем устами официальных представителей предлагался даже двойной контроль над «кнопкой», единый периметр обороны, распределение секторов отражения ракет.

В НАТО прекрасно понимают, что сама Россия в контексте ее общей военной политики не намерена положиться на США в защите своей территории от ракетно-ядерного удара. Поэтому проект «секторальной» ПРО был воспринят на Западе в лучшем случае, как скороспелая и нереалистичная импровизация, а в худшем – как блеф, рассчитанный на отказ другой стороны, чтобы получить предлог для срыва серьезных переговоров. Причем этот проект воспринимался как блеф тройной. Помимо отмеченного обстоятельства, есть еще два: нет государств с ракетами, которые могут лететь к России через территорию стран НАТО, а у России нет перехватчиков, которые могли бы в обозримое время защитить от ударов РСД с юга и юго-востока российскую территорию, не говоря уже о территории НАТО. Возможно,

политическое руководство РФ действовало из благих побуждений, не осознавая отмеченных моментов, но это не снижает ущерб, причиненный «секторальным» проектом деловой репутации российской политики.

Третье препятствие – разные цели сторон в сотрудничестве по ПРО. После неудачи переговоров по ПРО в Довиле в июне 2011 г. российский президент сказал: «...Мы должны получить гарантии: что это не против нас. Нам такие гарантии никто не дал».

Однако не декларации и даже не юридически обязывающие соглашения с Западом (из которых, как показал опыт, можно выйти), а российский потенциал СЯС, который никак не ограничивается новым Договором СНВ, – вот главная и неразменная гарантия того, что ПАП не будет направлен против России, просто ввиду неспособности скольконибудь ощутимо повлиять на ее потенциал сдерживания. Соединенные Штаты не требуют от России никаких гарантий того, что ее ВКО не подорвет американский потенциал ядерного сдерживания, хотя эта программа откровенно направлена против США и НАТО. США полагаются на свой огромный потенциал ядерного сдерживания, способный преодолеть любую российскую оборону.

Практически любая система обороны от баллистических носителей оружия имеет техническую способность перехватить какое-то количество стратегических ракет или их элементов на траекториях полета. Это относится и к Московской ПРО А-135, и к будущей системе С-500, согласно обещаниям ее разработчиков. Как свидетельствуют специалисты, даже существующие американские системы типа ТХААД и Стандарт-3 имеют некоторый потенциал перехвата МБР.

Однако для оценки стратегического влияния ПРО на такой крупный ядерный потенциал сдерживания, как российский, нужно учитывать возможности обороны в совокупности всех ее элементов по отражению первого, ответно-встречного или ответного удара другой стороны с учетом всех ее ресурсов. Также нужна реалистическая оценка катастрофических последствий потери всего нескольких (не говоря уже о нескольких десятках) городов для любой сверхдержавы XXI века.

Периодически повторяющиеся угрозы в адрес Запада («...если мы не договоримся, начнется гонка вооружений») не производят никакого впечатления за рубежом, хотя вызывают чувства национальной гордости

у большей части политических кругов России. Между тем разумную модернизацию СЯС и ТЯО Россия должна вести в любом случае («Тополь-М/Ярс», «Булава-30», «Искандер»), включая развитие технических средств преодоления любой системы ПРО на всех участках траектории. Избыточные вооружения (вроде новой жидкостной тяжелой многозарядной МБР шахтного базирования) лишь отвлекут финансовые ресурсы от действительно необходимых программ и других кричащих нужд обороны. Кроме того, это спровоцирует Запад на ответные меры в области наступательных и оборонительных вооружений с опорой на его экономическое и военно-техническое превосходство.

Для Вашингтона очевидно, что настойчивое требование гарантий со стороны России есть свидетельство того, что главный мотив ее возможного участия в программе – не противодействие ракетной угрозе третьих стран (в которую она не очень верит), а получение военно-технических доказательств невозможности ее использования против МБР, то есть ограничение боевой эффективности ЕвроПРО. Участие в программе обороны не с целью обороны, а ради ее ограничения – это весьма зыбкая основа для сотрудничества.

Тем не менее для отдельных характеристик это в принципе возможно (дислокация антиракет, способность их систем наведения к перехвату на активном участке траектории и пр.). Несомненно, что военно-техническое участие России в программе ЕвроПРО – в зависимости от объема этого участия – предоставило бы большую или меньшую возможность влиять на характеристики противоракетной системы.

В то же время, поскольку грань между системами перехвата МБР и РСД размыта, Вашингтон едва ли пойдет на существенные ограничения эффективности системы против Ирана и других стран, имеющих ограниченный ракетный потенциал. В США мало кто рассчитывает на существенный вклад России в совместную ПРО. Похоже, что США намерены реализовать намеченную программу самостоятельно, а от России им было бы достаточно политического согласия не возражать и не чинить препятствий.

Такой вид «сотрудничества» не устраивает Россию, она требует совместного планирования и осуществления программы ЕвроПРО на равноправной основе. Впрочем, равноправие – это привлекательный

лозунг, но он должен дополняться конкретикой с учетом различий сторон в экономическом, военно-техническом и геостратегическом отношениях, а также в восприятии угроз. Кроме того, Москва не вспоминает о совместном планировании, согласовании и равноправии, продвигая свою собственную программу Воздушно-космической обороны (ВКО).

Четвертое препятствие – российская ПРО. Одним из высших приоритетов современной военной политики России и Государственной программы вооружений до 2020 г. (ГПВ-2020) является развитие Воздушно-космической обороны. Эта программа выглядит не менее внушительно, чем американская ПРО. Помимо модернизации существующих и создания новых элементов СПРН в составе РЛС наземного базирования и космических аппаратов (что, безусловно, в любом случае необходимо), планируется развернуть 28 зенитных ракетных полков, оснащенных комплексами С-400 «Триумф» (около 1800 зенитных управляемых ракет – ЗУР), а также 10 дивизионов (около 400 ЗУР) перспективной системы С-500¹². Кроме того, планируется обновление парка истребителей-перехватчиков (в числе 600 закупаемых самолетов), создание новой системы управления и интеграция в ней систем ПРО и ПВО, СПРН и контроля космического пространства¹³. О приоритетности программы свидетельствует и то, что в ходе текущей военной реформы было принято решение увеличить планируемый контингент офицерского корпуса на 50% (со 150 до 220 тыс. человек) ради создания ВКО.

Военная доктрина не скрывает, что ВКО предназначена для защиты от США и НАТО, ставя в качестве первоочередной задачи «своевременное предупреждение Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации о воздушно-космическом нападении...», а затем «обеспечение противовоздушной обороны важнейших объектов Российской Федерации и готовность к отражению ударов средств воздушно-космического нападения»¹⁴.

---

¹² См.: Мы не можем позволить себе закупать плохое вооружение // Военно-промышленный курьер. 2011. 2–8 марта. № 8. С. 6; Независимое военное обозрение. 2011. 11–17 марта. № 9. С. 8–9.

¹³ См.: Независимое военное обозрение. 2011. 25–31 марта. № 11. С. 3.

¹⁴ Военная Доктрина Российской Федерации 2011 г.

Понятно, что речь идет не о третьих странах или террористах, а о наступательных системах США, особенно оснащенных высокоточным обычным оружием (авиация, крылатые ракеты, частично-орбитальные ракетно-планирующие системы и пр.). И это еще один аспект темы, находящийся вне противоракетного диалога политиков и экспертов, но подспудно вполне ощутимо влияющий на него.

Совершенно очевидно, что в ее нынешней конфигурации российская ВКО для защиты от нападения США и НАТО плохо совместима с общей системой ПРО для прикрытия Европы. Но Россия не может развивать две параллельные программы: одну вместе с НАТО для защиты друг друга («секторальный» проект), а другую для отражения ракетных ударов («воздушно-космического нападения») со стороны США и их союзников. Недаром весной 2011 г. на заседании коллегии Министерства обороны, определяя мероприятия развития ВКО, президент Медведев призвал делать это «...в контексте текущей ситуации, включая решение вопроса о нашем участии или неучастии в создаваемой системе европейской противоракетной обороны»¹⁵.

Поэтому участие России в программе ЕвроПРО – весьма искусственная и отвлеченная постановка проблемы. Скорее, нужно говорить о совместимости ВКО с поэтапной программой НАТО.

Пятое препятствие – внутренние факторы. Еще одно осязаемое препятствие на пути совместной ПРО состоит в том, что ни американский, ни российский военно-промышленные комплексы на деле не заинтересованы в сотрудничестве. Военные ведомства и промышленные корпорации США не хотят ни в чем ограничивать свою свободу рук в развитии системы, опасаются утечки технологических секретов, не хотят попадать в зависимость от России с ее многовекторной политикой.

Их российские аналоги осуществляют программу ВКО, и, если в ГПВ-2020 она составляет хотя бы одну пятую часть намеченного финансирования, то речь идет о сумме более 100 млрд. долл. Хотелось бы верить, что программу ВКО не затронет коррупция (по недавно нашумевшему заявлению военной прокуратуры, из Гособоронзаказа

---

¹⁵ Там же.

расхищается каждый пятый рубль). Но российским заказчикам и подрядчикам тоже вовсе ни к чему американский аудит и придирики комитетов Конгресса.

Оба военных истеблишмента не уверены в том, как впишется совместная ПРО в привычную и «накатанную» систему отношений взаимного ядерного сдерживания. Поэтому под разными предложениями блокируются даже такие бесспорные и простые первые шаги, как возрождение Центра обмена данными СПРН, совместные противоракетные учения.

Чтобы в таких сферах воплотить свою политическую волю в практику, президенты должны создавать государственные и промышленные структуры, имеющие задачу развивать сотрудничество, материально и институционально заинтересованные в нем.

Новый формат. Поскольку реальные военные курсы обеих держав противоречат концепции совместной ПРО, наивно думать, что идея сотрудничества в этой сфере станет рычагом, который изменит всю военную политику сторон. Скорее, получится наоборот, проект совместной ПРО будет заблокирован, что пока и происходит. Столь же наивно полагать, что технические предложения и доводы о взаимных выгодах сотрудничества по ПРО станут достаточным стимулом для взаимодействия и избавят от необходимости тщательно разбираться с существующими препятствиями и последовательно их устранять через собственные решения и международные договоренности по имеющим прямое отношение к делу проблемам.

Процессу можно придать «второе дыхание», пересмотрев формат обсуждения проблемы и включив ряд важнейших, тесно связанных с ней вопросов, без которых тема ПРО «висит в воздухе». Ставить соглашение по ПРО в качестве предварительного условия переговоров по другим темам – значит обрекать весь процесс на длительный тупик. Наоборот, нужно двигаться по нескольким параллельным каналам переговоров.

Прежде всего, Москве следовало бы официально информировать западных партнеров о том, что Россия осуществляет собственную приоритетную и обширную программу ВКО, включая противоракетные системы. Страна не может делать две оборонительные системы: одну вместе с НАТО, а другую против нее. Нужно подчеркнуть, что основанием для ВКО служит озабоченность России рядом ударных

средств, программ и концепций применения новейших неядерных вооружений США. Их ненаправленность против России и возможное ограничение (по типу включения в потолок Договора СНВ обычных боеголовок баллистических ракет) должны стать предметом следующего этапа переговоров о сокращении СНВ. Параллельно с ними Россия должна быть готова обсуждать ограничение ТЯО, наряду с мерами возрождения Адаптированного ДОВСЕ.

В случае успеха на этих треках России следует согласиться реструктурировать свою программу ВКО, ориентировать ее на отражение ракетных угроз третьих стран и сделать совместимой с ЕвроПРО. Со своей стороны, США и НАТО должны проявить готовность учесть озабоченности России, включая коррекцию программы ПРО в сторону совместимости с российской ВКО.

6. ОБЕСПЕЧЕНИЕ МИРА И СТАБИЛЬНОСТИ ПРИ МИНИМАЛЬНЫХ ЯДЕРНЫХ АРСЕНАЛАХ И В УСЛОВИЯХ БЕЗЪЯДЕРНОГО МИРА

Образ безъядерного мира зачастую представляется многим как воплощение некоего идеального состояния, детализировать которое дело заведомо неблагодарное. Но из этого вовсе не следует, что в вопросах ограничения и сокращения ядерных арсеналов можно удовлетвориться другой формулой: «движение – все, конечная цель – ничто». Надо хотя бы в общих чертах представлять, куда это движение осуществляется.

Еще важнее понять, каким, в конце концов, будет итог этого движения – станет ли мир более безопасным и стабильным. Первая гипотеза, которая кажется привлекательной не только идеалистам и романтикам из числа энтузиастов ядерного разоружения, состоит в том, что мир станет совсем иным – предсказуемым, комфортным, надежным.

Вполне можно допустить и то, что все по большому счету останется как прежде, сопровождаясь лишь легкими модификациями. Ведь устранение ядерного оружия не перечеркнет то огромное количество факторов, которые выступают в качестве движущих сил международного развития. Останутся экономическое соперничество, борьба за политическое влияние, исторические обиды, этноконфессиональные коллизии, социокультурные симпатии и антипатии, психологические комплексы, цивилизационные пристрастия – короче, вся гамма человеческих страстей, которые правят миром и из которых вырастают отношения между людьми, между народами, между странами. И отсюда – вторая гипотеза: кардинальных перемен в постъядерном международном порядке не произойдет. Что-то, конечно, изменится – но не настолько, чтобы говорить о новом прекрасном мире.

Крайние оценки облегчают прояснить проблемы, а конфликтующие между собой гипотезы подталкивают к тому, чтобы искать истину где-то посередине. Отсюда третий сценарий – как представляется, более

реалистический. Он отталкивается от анализа функций ядерного оружия в современной международной системе. Ключевым здесь является ответ на вопрос о том, сохранится ли востребованность этих функций, и если да – то кто и как будет их выполнять? Таковы главные вопросы, возникающие при попытке проанализировать особенности международного порядка в постъядерном мире.

Заметим (в скобках), что здесь вполне уместна параллель с дебатами о всеобщем и полном разоружении. Люди воюют не потому, что у них много оружия – наоборот, у них много оружия, потому что есть из-за чего воевать. Когда не будет последнего – отпадет и потребность в оружии. Вместе с тем наличие оружия создает возможность и стимул к силовому разрешению конфликтов.

И это не схоластика. Наоборот – как раз из этой аналогии и можно вывести некие базовые параметры, важные для безъядерного мира. Поставим вопрос таким образом: что важно для международного порядка в условиях, когда ядерного оружия не будет? Ответ будет состоять из трех компонентов.

- Чтобы решались те проблемы, за которые в мире с ядерным оружием именно последнее несло ответственность.
- Чтобы при этом не происходило дестабилизации мирового порядка (в целом или в отдельных его сегментах).
- Чтобы были эффективно элиминированы стимулы и возможности для «возвращения» ядерного оружия.

Вот об этих трех сюжетах и требуется поразмышлять в рамках «неромантического» анализа проблем постъядерного мира.

Безопасность. Ключевым здесь является вопрос о роли ядерного оружия. В его генезисе могут быть разные компоненты, но главным из них остается императив обеспечения национальной безопасности.

Это, впрочем, относится к любому оружию, к любым средствам военного противоборства. Их создают, совершенствуют для того, чтобы решить две принципиальные задачи:

- обеспечить себе преимущество в эвентуальном столкновении с внешним противником, или
- убедить последнего: в таком столкновении он не выиграет, а проиграет.

Эту двоящую функцию (war-fighting и deterrence, боевое применение и сдерживание) ядерное оружие доводит до экстремума.

- Во-первых, по своим поражающим возможностям оно сверхэффективно, намного превосходя любые другие виды оружия.

- Во-вторых, по масштабам разрушительных последствий и их всеобъемлющему характеру оно абсолютно катастрофично. Именно в силу этого производимый им эффект сдерживания является крайне действенным, убедительным, способным помешать противнику перейти роковую черту.

Функцию сдерживания могут выполнять и другие инструменты военной силы (и не только военной силы), но ядерное оружие остается вне конкуренции. Говоря о причинах этого, уместно – помимо упомянутой «наглядности» – отметить еще, по крайней мере, три обстоятельства.

- В продолжавшейся на протяжении 40 лет биполярной конфронтации за ядерным оружием признается роль, если не главного, то крайне существенного фактора, который вводил ее в некие рамки, охлаждая накал страстей и даже побуждая к кооперативному взаимодействию.

- В нескольких конкретных ситуациях, когда возникала реальная перспектива перерастания кризиса с вовлечением СССР и США в состояние клинча, такое развитие было предотвращено опасениями с их стороны, что будет запущен механизм глобального конфликта с применением ракетно-ядерного оружия.

- Ядерное оружие позволяет рассчитывать на эффект сдерживания сильным слабым, что практически нереально с опорой только на силы общего назначения.

Указанные две функции (боевое применение и сдерживание) не есть нечто имманентно присущее ядерному оружию. С его устранением, как можно предположить, востребованность в них не будет перечеркнута. Иными словами, императивы обеспечения безопасности не исчезнут – только отвечать на них надо будет уже без опоры на ядерное оружие. Сдерживание эвентуального противника тоже не обязательно станет чисто умозрительной категорией – оно может оказаться вполне конкретной задачей, решать которую придется уже без эффекта, производимого ядерным оружием. Следовательно, возникает вопрос: что станет субститутом ядерного оружия в этих его двух ипостасях?

Ответ на данный вопрос для сторонников безъядерного мира представляется более трудным, чем когда они рассуждают о путях продвижения к нему, о конкретных задачах снижения уровня ядерных вооружений или укрепления стратегической стабильности, решить которые можно было бы сегодня или завтра. Что будет *послезавтра* – тут уверенности меньше, неопределенностей больше, временные горизонты становятся размытыми, аргументы порою трансформируются в благие пожелания (как правило, очень привлекательные, но не всегда убедительные). Примечательно, что на этом поле противники безъядерного мира (а точнее сказать – скептики) нередко чувствуют себя гораздо увереннее.

В безъядерном мире, и это понятно, ядерное оружие (просто в силу физического исчезновения) перестанет быть фактором безопасности. Последняя, казалось бы, станет более прочной и надежной, поскольку все те угрозы и риски, которые проистекают от ядерного оружия, окажутся элиминированными.

- Прежде всего, это касается разнообразных видов ракетно-ядерного удара: первого, разоружающего, ответно-встречного, превентивного, контрсилового (по военным объектам и пунктам управления), контрценностного (по городам), демонстрационного (для обозначения решимости), селективного (для решения ограниченных задач), на театре военных действий, в рамках тактических операций и т.д.

- Далее, станут irrelevantными многие темы, которые объективно порождали стратегическую неопределенность, а субъективно создавали почву для опасных манипуляций с целью получения выигрыша в условиях превалирования конфронтационной парадигмы: возможность ядерной эскалации конвенционального конфликта, понижение или повышение ядерного порога, надежность (или проблематичность) ядерных гарантий союзникам и т.п.

- Наконец, уйдет в прошлое задача определения ракетно-ядерного баланса, условий его устойчивости и иных параметров.

Однако все перечисленное выше относится к ядерному оружию как *инструментарно*, используемому (политически, угрозой военного применения) для решения определенных задач. Если такие задачи сохранятся, решать их придется иными средствами. В принципе движение можно осуществлять по трем траекториям:

- с использованием неядерных конвенциональных сил и средств (обычных вооружений и сил общего назначения);
- через переключение на несиловую (политический) инструментарий;
- переосмысливая (односторонним путем или во взаимодействии с внешними контрагентами) содержание указанных задач и требования к их решению.

Эти три траектории не являются взаимоисключающими и могут «осваиваться» одновременно. Попробуем прочертить их несколько более четким образом.

Альтернативы. Первая траектория – решение с помощью конвенциональных сил и средств тех задач, которые возлагались на ядерное оружие. В рамках чисто военного обеспечения безопасности такой подход выглядит самоочевидным, но одновременно исключительно затратным. Хотя бы потому, что в полном объеме «заменить» ядерное оружие обычными вооруженными силами и вооружениями, наверное, не смогут. Разве что возникнут какие-то принципиально новые средства ведения войны (например, с использованием информационных технологий или оружия на новых физических принципах).

Из этого проистекает не просто возможность, но и весьма высокая вероятность значительной активизации военных приготовлений в конвенциональной области. «Естественный» ход событий, если в него не будут внесены существенные коррективы, может весьма быстро вывести на новую гонку вооружений, с акцентом на их качественные характеристики.

Причем сама такая перспектива станет фактором, работающим против продвижения к миру без ядерного оружия. Зачем отказываться от него, если высокоточное конвенциональное оружие окажется в руках противника весьма эффективным? Тут есть и немаловажная политическая составляющая – если в такой перспективе видеть стремление США выйти вперед за счет своего научно-технологического лидерства, заставляя других – например, Россию – отказаться от компенсаторной роли ядерного оружия. Причем аргументацию такого же плана нетрудно отнести и к региональным ситуациям, где присутствует (или может присутствовать) ядерный фактор (Индия, Пакистан, Израиль, Северная Корея, Иран).

Отсюда – очевидный вывод: безъядерный мир должен сопровождаться крупными мерами по регулированию военного соперничества между государствами в области обычных вооруженных сил и вооружений. Без контроля над вооружениями в неядерной сфере, причем более широкомасштабного и глубокого, чем это имело место до настоящего времени, сам факт устранения ядерного оружия может оказаться не плюсом, а минусом – и потому станет недостижим.

Не исключено, что решение этой задачи будет на порядок более трудным, чем достижение договоренностей о безъядерном мире. По количеству участников, по многослойности, многоплановости и многофакторности содержательной стороны дела, по имеющемуся опыту (сравним СНВ и ДОВСЕ) есть основания ожидать серьезных препятствий на этом пути. Но если движение по нему не начнется, на идее безъядерного мира можно поставить крест.

Возможность еще одной траектории движения в условиях безъядерного мира обусловлена тем, что парадоксальным следствием «вступления» в него может оказаться понижение порога применения силы в международных делах. При этом в минус придется записать и то обстоятельство, что эффект «самосдерживания» в использовании конвенциональных сил и средств выражен гораздо менее отчетливо, чем в отношении ядерного оружия. Эвентуальное применение последнего и сегодня, через 65 лет после начала ядерной эры, рассматривается как нечто экстраординарное, тогда как применение обычных вооруженных сил и вооружений стало банальным и рутинным явлением.

В безъядерном мире проблема применения ядерного оружия *ipso facto* оказывается снятой. Таким образом, сдержанность в его использовании перестанет быть необходимой. Но альтернатива сдержанности – более свободное обращение к силе, поскольку силовая коллизия уже не будет чревата превращением в ядерное столкновение. Политически и психологически это может означать устранение «тормозов», которые удерживают участников конфликта от опасной черты – а значит, и пролиферацию международных конфликтов.

Вывод, который из этого следует, также представляется очевидным: в безъядерном мире необходимы крайне энергичные меры по переключению эвентуального силового противоборства в несилевое русло. Механизмы политического урегулирования конфликтов и решения

проблемных ситуаций должны стать предметом приоритетного внимания участников международной жизни.

Здесь есть проблемы, к которым невозможно подобрать универсальный ключ ни в ядерном, ни в безъядерном мире. Например, если политический механизм не срабатывает – возникает соблазн обойти существующие нормы, в том числе и путем применения силы. Хорошо известно, что оно зачастую оказывается односторонним, выборочным, сомнительным по легитимности. Но даже наличие ядерного оружия у некоторых возражающих против такой линии стран не является сегодня сдерживающим фактором в отношении тех, кто ее инициирует – как это было в случае с интервенцией в Ираке, которая была осуществлена, несмотря на негативное отношение трех ядерных стран – России, Китая и Франции. В этом смысле в отсутствие ядерного оружия картина, возможно, и не изменится принципиальным образом. Но круг проблем, по которым можно будет при желании игнорировать мнение оппонентов, скорее всего, расширится.

В результате, необходимость эффективного политического регулирования проблемных ситуаций в условиях безъядерного мира будет даже более острой, чем сегодня. Это – еще один императив продвижения к безъядерному миру. Не будем рассматривать здесь эту тему подробно, поскольку она выходит далеко за тематику ядерного оружия и его ликвидации. В сущности, речь идет об организации международно-политической системы, что ставит длинный перечень вопросов: о функциях ООН, суверенитете и международной ответственности государств, возможностях и пределах внешнего вмешательства во внутренние дела, роли негосударственных участников и т.д.

Требование «решить» все такие вопросы в качестве условия перехода к безъядерному миру было бы нелепым. Нелепы и страхи, что он знаменует собой переход к «беспределу» на международной арене. Но безъядерный мир должен заложить новую повестку дня для международного сообщества и стать мощным импульсом к ее плодотворному освоению.

Наконец, остановимся на третьей из обозначенных выше траекторий, предполагающей переосмысление задач, которые ассоциируются с ядерным оружием. Прежде всего, напомним, что для пяти стран, «официально» (по параметрам ДНЯО) обладающих ядерным оружием,

некоторые выполняемые им функции политико-стратегического характера важны не меньше, чем те, которые касаются собственно безопасности.

- В политическом плане ядерное оружие – квалификационная характеристика эксклюзивности. Весьма показательны, что все государства – постоянные члены Совета Безопасности ООН, обладающие особыми функциями и полномочиями в международной системе, относятся к числу «традиционных» ядерных держав. Кроме того, для каждого из них ядерное оружие соотносится со специфическими статусными мотивами.

- Указанные страны, в силу обладания ядерным оружием, в известном смысле обладают иммунитетом от применения против них силы. Или, с оговорками: от (i) широкомасштабного применения силы (ii) соизмеримым по мощи и статусу противником, (iii) что могло бы поставить под вопрос само существование государства или его жизненно важные интересы.

По этой причине политически и психологически переход к безъядерному миру для них связан с серьезными издержками. Хотя формально эти страны приняли на себя обязательство «вести переговоры об эффективных мерах по ... ядерному разоружению» (ст. VI ДНЯО), и именно от них в первую очередь зависит, быть или не быть безъядерному миру – трудно избавиться от ощущения, что как раз с их стороны продвижение к нему будет тормозиться более всего.

Кажется, именно здесь возникает ключевая проблема в обсуждаемой теме, одно из наиболее труднопреодолимых препятствий на пути к миру, свободному от ядерного оружия.

Вопрос, следовательно, в том, чтобы ядерные «гранды» приняли для себя необходимость отказаться от своего ядерного статуса, причем не формально – из соображений политкорректности и для направления позитивного сигнала общественному мнению и другим странам, – а по собственному мироощущению. Возможен ли такой поворот? Сомнения на этот счет могут быть весьма серьезными, поскольку указанное мироощущение инерционно и консервативно.

Но все же возможности определенной самокоррекции, как представляется, здесь есть – причем по основаниям не только этического, но и рационального плана. Это могло бы происходить по нескольким линиям.

- При всей значимости ядерного статуса, его невозможно или

крайне затруднительно операционализировать, то есть трансформировать в политические и даже чисто военные дивиденды.

- Вместе с тем происходит постепенная эрозия значимости ядерного статуса относительно других компонентов военной силы (распространение ЯО, в том числе среди отсталых стран, высокоточное конвенциональное оружие, мобильные группировки, внедрение информационных технологий и т.п.). То же самое происходит в связи с растущим значением «мягкой силы».

- Еще более существенное значение имеет то обстоятельство, что престиж, авторитет, влияние и прочие атрибуты позиционирования страны на международной арене все меньше зависят от наличия у нее ядерного оружия или отсутствия такового. (Например, в претензиях Индии на статус постоянного члена Совета Безопасности ООН ее статус де-факто ядерной державы, в сущности, является молчаливо признаваемым аргументом лишь третьего, если не четвертого плана.)

- Отказ «грандов» от собственного ядерного статуса может оказаться самым весомым – если не единственным – аргументом, политически легитимирующим запрет на распространение ядерного оружия и применение силы против пролиферантов.

- Во взаимоотношениях между теми странами «ядерного клуба», которые были и остаются политическими антагонистами, фактор взаимозависимости постепенно становится все весомее, оттесняя на задний план мотивы взаимной конфронтационности.

- Позиционирование «грандов» в отношении остальных участников международной жизни также вписано в проблему более общего плана (центр – периферия), и она тоже решается (или обсуждается) главным образом вне контекста ядерной проблематики.

Особая тема – ядерный статус «неофициальных» (по критериям ДНЯО) ядерных государств. Речь идет об Индии, Пакистане, Израиле, Северной Корее. К этому кластеру, по аналитическим основаниям, представляется возможным отнести и Иран (если принимается гипотеза о его стремлении к обретению ядерного оружия).

Для всех этих стран ядерное оружие – фактор функциональный. Его обретение соотносится с решением вполне конкретных задач, которые в указанных странах рассматриваются как имеющие для них жизненно важное значение.

В безъядерном мире решение указанных задач должно быть обеспечено без ядерного оружия, причем с такой степенью надежности, которая удовлетворила бы соответствующие страны. Только на этом основании можно рассчитывать на их лояльное отношение к данному проекту и даже на участие в нем.

Конкретные возможности, которые здесь просматриваются, кажутся достаточно зыбкими, но все-таки попробуем обозначить их.

- «Радикальный» вариант развития событий – если государство станет безъядерным в результате коллапса или силовой операции извне. Реалистичность таких сценариев (i) в целом подвергается сомнению, но не считается нулевой, и (ii) неодинакова для разных стран. Одно дело – возможность денуклеаризации Северной Кореи вследствие краха режима и объединения с Южной Кореей. Совсем другое – Иран, где даже самым решительным образом настроенные внутренние оппоненты режима не ставят под сомнение необходимость ядерных устремлений страны.

- Из этого следует необходимость курса на политическое преобразование всего «расширенного Ближнего и Среднего Востока», в том числе и с целью имплантировать в этот процесс ядерные амбиции/возможности Ирана и Израиля, равно как и околоядерные тренды в ряде других стран региона.

- Особняком стоит вопрос о «денуклеаризации» международно-политического уравнения в Южной Азии. Для Пакистана здесь могут оказаться важными международные гарантии, для Индии – возможность вступить в безъядерный мир наряду и одновременно с Китаем.

Гарантии. В международно-политическом порядке, которым должно сопровождаться установление безъядерного мира, важно обеспечить сверхнадежные гарантии против «возвращения» ядерного оружия. Таковые должны обеспечиваться как минимум по трем направлениям:

- максимальный интрузивный контроль в отношении любой деятельности, которая могла бы предполагать создание или восстановление ядерного потенциала;

- применение немедленных санкций, в том числе силовых, в случае обнаружения такой деятельности;

- принятие решений на этот счет не по согласованию государств, а от лица специально созданного для данной цели института, имеющего вне- и наднациональный статус.

Последнее положение может быть реализовано и в более широком масштабе – как часть общего движения к формированию механизмов *межнационального, транснационального, наднационального* управления. Это движение, как известно, отнюдь не осуществляется со скоростью курьерского поезда – слишком многие императивы международного поведения государств завязаны на сугубо национальные интересы. Как это ни парадоксально, но логика безъядерного мира позволяет осуществить прорыв в наиболее чувствительной на этот счет сфере – сфере ядерных вооружений. Ведь они будут уже ликвидированными или подлежащими уничтожению, а это означает, что все связанные с ними вопросы могли бы быть безболезненно переданы в ведение над- или вненациональной администрации.

Заметим, что, продолжая «развертывать» указанную логику в обратном (по времени) направлении, можно в принципе прийти к выводу о возможности ее плодотворного использования и на стадии перехода к безъядерному миру. Например, через:

- договоренности о беспрецедентной транспарентности в отношении ядерных вооружений;
- согласования разными странами параметров своих ядерных потенциалов, вплоть до совместного управления ими (в начале – отдельными их фрагментами);
- введение (хотя бы постепенное) режима интернационализации в отношении ядерных вооружений и ядерной энергетики в целом.

С точки зрения сегодняшних политических обстоятельств, такая постановка вопроса может показаться совершенно неуместной и даже абсурдной. Но с учетом перспективы безъядерного мира – вполне в стилистике «мыслей о неммыслимом».

Однако мы уже были свидетелями определенных шагов в реализации именно подобных подходов. В попытках разрешения кризиса вокруг иранской ядерной программы политическая и аналитическая мысль работала в направлении создания многонационального производственного комплекса по обогащению урана – проекта учреждения международного банка ядерного топлива под эгидой МАГАТЭ.

В данном случае важным представляется акцентировать не разочаровывающее отсутствие результатов, а принципиальную сторону дела – политически релевантное предложение вывести из-под

эсклюзивного национально-государственного контроля проблематику, которая относится к числу наиболее чувствительных и к которой на национально-государственном уровне демонстрируется особое отношение. Именно такой подход присутствует в идее совместной противоракетной обороны России и США/НАТО.

Достаточно точно и кратко суть безъядерного мира сформулирована в статье Е.Примакова, И. Иванова, Е. Велихова и М. Моисеева¹⁶. В долгосрочной перспективе, подчеркивают эти четыре именитых автора, «мир без ядерного оружия – это отнюдь не нынешний мир минус ядерное оружие. ... Поэтому реализация идеи ядерного разоружения, которая должна оставаться стратегической целью, возможна лишь в контексте глубокой реорганизации всей международной системы». Оба этих процесса должны идти параллельно, питая и поддерживая друг друга и прокладывая путь к более безопасному и более стабильному миру.

---

¹⁶ Примаков Е, Иванов И., Велихов Е., Моисеев М. От ядерного сдерживания к общей безопасности // Известия. 15.10.2010.

ВЫВОДЫ

1. Ядерное сдерживание как один из решающих факторов обеспечения безопасности еще достаточно долго будет оставаться концептуальной основой военных доктрин, оперативного планирования, сил и программ вооружений ядерных государств. Однако ныне, спустя 20 лет после окончания холодной войны, есть серьезные основания для взаимной глубокой корректировки концепции ядерного сдерживания, во всяком случае, в отношениях великих держав и возглавляемых ими союзов.

2. Американские планы по развертыванию глобальной ПРО и, особенно, ее компонентов в Европе и окружающих ее морях не представляют военно-стратегической угрозы для российского потенциала ядерного сдерживания в ближайшие 10–15 лет. Однако одностороннее развертывание намеченной программы в рамках НАТО вызовет серьезный новый кризис политических отношений между Россией и США и может сорвать процесс ограничения и сокращения ядерных вооружений.

Сотрудничество России с США и НАТО в сфере ПРО может стать одним из важнейших направлений трансформации взаимного ядерного сдерживания и предотвращения новых «противоракетных кризисов» в отношениях России и Запада. При этом, разумеется, обе стороны должны стремиться к такой трансформации, что, к сожалению, пока не стало практической политикой США и, тем более, России.

На первых этапах взаимодействие по созданию совместной ПРО может осуществляться главным образом через интеграцию информационных систем (СПРН) России и США. Это направление сотрудничества целесообразно начинать с безотлагательной реанимации проекта Центра обмена данными о пусках ракет и ракет-носителей, решение о создании которого принято в 1999–2000 гг. президентами России и США, но так и не воплощено в жизнь. Одновременно следует возобновить прерванную серию совместных компьютерных учений России с США и НАТО по применению ПРО ТВД с последующим переносом этих учений на полигоны и расширением их за пределы театра военных действий.

Создание совместной или сопряженной через отдельные элементы ПРО в долгосрочном плане означало бы переход от ракетно-ядерного

противостояния (пусть и на пониженных договорных уровнях) к своего рода союзническим отношениям, что создало бы предпосылки для трансформации взаимного ядерного сдерживания в отношения взаимной частичной обороны и безопасности – даже в условиях сохранения сравнительно крупных ракетно-ядерных потенциалов. Но эта зависимость работает и в обратную сторону: если державы пока не собираются трансформировать и, тем более, упразднить взаимное ядерное сдерживание как основу своих военных взаимоотношений – сотрудничество по ПРО будет наталкиваться на серьезные препятствия даже в таких очевидно полезных и минимально «революционных» проектах, как ЦОД и совместные учения в сфере ПРО.

Системы, программы развития и планы применения ПРО США и России (в последнем случае в рамках ВКО) существуют не в изоляции от остальных аспектов военных отношений держав, которые все еще в большой мере направлены друг против друга. В частности, это относится к их стратегическим и тактическим (нестратегическим) ядерным силам, российской программе ВКО, которая призвана отразить «воздушно-космическое нападение» США и НАТО (прежде всего, с применением высокоточных обычных вооружений большой дальности, включая частично-орбитальные ракетно-планирующие системы).

Как продемонстрировал опыт последних лет, даже при максимально благоприятных отношениях глав государств в лице президентов Д. Медведева и Б. Обамы, невозможно решить проблемы сотрудничества в сфере ПРО вне общего контекста военно-стратегических отношений России и США, какие бы разумные технические решения для этого не предлагались. Особенно это касается политики России: невозможно развивать программу ВКО против США и одновременно участвовать в создании ЕвроПРО вместе с ними. Нельзя всерьез предлагать концепцию «секторальной ПРО», предполагающей защиту друг друга от ракетных ударов третьих стран, и в то же время воспринимать США и НАТО как источник главных военных опасностей для России.

Для продвижения в развитии совместной ПРО необходимо переформатировать диалог по этому вопросу и обсуждать не участие России в программе ПРО НАТО, а вопросы совместимости российской ВКО и ПАП ПРО США (НАТО). Это предполагает как определенную адаптацию программы НАТО, так и существенное изменение ВКО и ее

переориентацию на угрозы третьих стран, что требует соглашений, которые устранили бы воспринимаемую Россией опасность «воздушно-космического нападения» США. Начало этому положено Пражским Договором СНВ (через засчет обычных боезарядов баллистических ракет наряду с ядерными). Этим путем нужно идти и дальше в рамках последующих переговоров по СНВ или параллельно с ними. НАТО увязывает их с ограничением нестратегических ядерных вооружений, а Россия ставит вопрос возрождения системы и режима ДОВСЕ.

3. В этой связи ставить прогресс в ряде основных аспектов сокращения и ограничения вооружений в зависимость от согласия по совместной ПРО – означало бы загнать в глубокий тупик переговоры по всем вопросам. Это объясняется тем, что, вопреки представлениям последних лет, прогресс в совместной ПРО невозможен без последовательных решений указанных важных проблем, которые определяют направленность военных курсов держав друг против друга. Поэтому необходимо вести дело к соглашениям параллельно по нескольким направлениям: новый договор СНВ, ограничение стратегических вооружений в обычном оснащении, совместимость ВКО и ПАП ПРО, ограничение тактического ядерного оружия, возрождение системы и режима ДОВСЕ.

Если бы руководители России и США до выборов 2012 г. осознали эту диалектическую взаимозависимость и выступили с совместным документом о необходимости «многоканального» продвижения в трансформации взаимного ядерного сдерживания – то это, наряду с Пражским Договором СНВ, стало бы их крупным вкладом в укрепление взаимной безопасности, создало бы задел для продолжения этой линии следующими администрациями.

4. Ядерное разоружение предполагает снижение вероятности ядерной войны, причем применение ЯО должно становиться все менее вероятным не только в общем политическом, но и в военно-стратегическом плане. В этом суть трансформации взаимного ядерного сдерживания в более конструктивный вид стратегических отношений держав, пока сравнительно крупные ядерные потенциалы остаются в составе их вооруженных сил.

Сокращение до 1000–1200 боеголовок может быть следующим шагом в переговорах по СНВ, однако после этого державы могут пойти по

пути взаимного понижения уровня боеготовности СЯС, а не сокращения через физическую ликвидацию ядерных вооружений. Новый Договор СНВ создал полезный прецедент, разделив СЯС на оперативно развернутые и не развернутые средства. По существу понижение боеготовности может стать способом сокращения оперативно развернутых сил и перевода все большей их части в статус неразвернутых вооружений.

5. Трансформация ядерного сдерживания может идти по пути взаимного отказа сначала от концепций и сил первого (контрсилового) удара – через сокращение ядерных вооружений при укреплении стратегической стабильности, которая и предполагает устранение стимулов и возможностей первого удара. В качестве следующего шага России и США следует договориться об отказе от планирования ответно-встречных ударов по информации от систем предупреждения о ракетном нападении.

Понижение готовности к запуску должно представлять собой не сугубо символический акт, а согласованные организационно-технические и проверяемые мероприятия снижения уровня напряженности и влияния дестабилизирующих факторов. Ряд таких технических мер обсуждался специалистами при разработке мероприятий по подготовке к практической реализации Договора СНВ-2, который предусматривал досрочную «деактивацию» носителей, подлежащих ликвидации по указанному Договору.

Главный принцип, который должен соблюдаться в процессе контролируемого взаимного понижения готовности, СЯС состоит в том, что контрсилового потенциал сторон должен снижаться опережающим образом по отношению к уменьшению готовности стратегических сил к применению в ответном ударе.

Такое понижение готовности при сохранении достаточно крупных оперативно неразвернутых сил, наряду с интеграцией систем СПРН и развитием сопряженной ограниченной ПРО для защиты от третьих ядерных государств, означало бы глубокую трансформацию ядерных сил и отношений взаимного сдерживания России и США в направлении взаимодействия и частичной взаимной обороны.

6. Трансформации ядерного сдерживания может существенно способствовать создание многостороннего режима транспарентности. Сегодня некоторые виды деятельности государства – обладателя ядерного

оружия воспринимаются другими державами, не относящимися к числу его союзников, как потенциальная угроза и вызывают с их стороны ответную реакцию, что приводит к эскалации военной напряженности. Для того, чтобы свести к минимуму возможность возникновения ядерного кризиса необходима расширенная транспарентность в отношении намерений государств – обладателей ядерного оружия.

К числу наиболее значимых мер многостороннего режима транспарентности следует, как представляется, отнести следующие: обеспечение открытости ядерных доктрин, обеспечение прозрачности ядерных потенциалов, предварительное уведомление участников режима транспарентности об определенных видах деятельности ядерных сил, наблюдение за определенными видами деятельности ядерных сил, взаимные проверки соблюдения участниками многостороннего режима транспарентности.

7. Подписание нового Договора о СНВ явилось результатом значительных усилий сторон, в том числе, и по преодолению внутренней оппозиции стратегическому диалогу держав. Новый Договор СНВ стал необходимым шагом вперед, открывшим возможности для дальнейшего сокращения и ограничения вооружений.

В отличие от периода холодной войны отношения Москвы и Вашингтона теперь не наиглавнейший, а только один из ряда важных вопросов международных отношений, внешней политики США (в меньшей мере) и России (в большей мере). Соответственно, подход к соглашениям по СНВ стал менее жестким и придирчивым, ряд проблем и разногласий стороны отодвигают на задний план или откладывают на будущее.

Кроме того, Договор продемонстрировал совпадение ядерной политики Москвы и Вашингтона – отсутствие намерений осуществлять в обозримой перспективе реальные сокращения своих стратегических вооружений ниже уровня, зафиксированного еще в 2002 г. в Московском Договоре о СНП. При всех содержащихся в нем новшествах, новый Договор является продолжением традиционной идеологии ядерного сдерживания. Таким образом, на практике оказалось, что даже в условиях самых благоприятных за всю историю российско-американских отношений политических возможностей сотрудничества в период

президентства Б. Обамы и Д. Медведева, отойти от ядерного сдерживания так и не удалось.

8. Приоритеты российской военной политики не всегда совпадают, а в ряде случаев противоположны внешнеполитическим – в частности, курсу на модернизацию через создание «специальных модернизационных альянсов» с передовыми странами Запада. Однако приоритеты российской обороны и военной реформы – ядерное сдерживание и защита от воздушно-космического нападения – направлены, в первую очередь, против США и НАТО.

Практическая военная политика иногда идет вразрез даже с военной доктриной. Например программа вооружения предусматривает разработку новой тяжелой жидкостной МБР с РГЧ для размещения в шахтных пусковых установках. Это будет противоречить всем принципам стратегической стабильности и затруднять дальнейшие переговоры по ПРО и СНВ.

9. Военная политика США как в сфере оборонительных, так и наступательных вооружений (особенно новейших высокоточных неядерных и частично-орбитальных систем) далеко не всегда и не во всем соответствует духу партнерства с Россией, императиву учета ее обоснованных озабоченностей, целям ядерного разоружения, провозглашенным главами двух великих держав.

10. На стадии перехода к безъядерному миру будут необходимы договоренности о беспрецедентной транспарентности в отношении ядерных вооружений; согласование разными странами своих ядерных потенциалов, вплоть до совместного управления ими (вначале – отдельными их компонентами); введение режима интернационализации в отношении ядерных вооружений и атомной энергетики.

В безъядерном мире необходимы энергичные меры по переключению эвентуального силового противоборства в несилевое русло. Механизмы политического урегулирования конфликтов и решения проблемных ситуаций должны стать предметом приоритетного внимания участников международной жизни. Таким образом, необходимость эффективного политического регулирования конфликтных ситуаций в условиях безъядерного мира будет даже более насущной, чем сегодня. Это – еще один императив продвижения к безъядерному миру.

В сущности, речь идет о реорганизации международно-политической системы, что ставит длинный перечень вопросов: о функциях ООН, суверенитете и международной ответственности государств, возможностях и пределах внешнего вмешательства во внутренние дела, роли негосударственных участников и т.д.

В международно-политическом порядке, которым должно сопровождаться установление безъядерного мира, важно обеспечить надежные гарантии против возвращения ядерного оружия в арсеналы держав. Таковые должны обеспечиваться как минимум по трем направлениям: максимальный интрузивный контроль в отношении любой деятельности, которая могла бы предполагать создание или восстановления ядерного потенциала; применение немедленных санкций, в том числе силовых, в случае обнаружения такой деятельности; принятие решений на этот счет не по согласованию государств, а от лица специально созданного для данной цели института, имеющего вне- и наднациональный статус.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Принятые сокращения

БРПЛ	баллистическая ракета подводных лодок
ВКО	воздушно-космическая оборона
ЗУР	зенитная управляемая ракета
ИМЭМО РАН	Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук
КРВБ	крылатая ракета воздушного базирования
КРМБ	крылатая ракета морского базирования
МАГАТЭ	Международное агентство по атомной энергии
МБР	межконтинентальная баллистическая ракета
НИР	научно-исследовательские работы
НАТО	Организация Североатлантического договора
ОВУ	ответно-встречный удар
ОДКБ	Организация Договора о коллективной безопасности
ОМУ	оружие массового уничтожения
ООН	Организация Объединенных Наций
ОСВ	ограничение стратегических вооружений
ПАП	поэтапный адаптивный план (развертывания ПРО в Европе)
ПЛАРБ	атомная подводная лодка с баллистическими ракетами
ПКО	противокосмическая оборона
ПРО	противоракетная оборона
ПРО ТВД	противоракетная оборона театра военных действий

ПВО	противовоздушная оборона
РВСН	ракетные войска стратегического назначения
РГЧ	разделяющиеся головные части
РГЧ ИН	разделяющиеся головные части индивидуального наведения
РЛС	радиолокационная станция
РПК СН	ракетный подводный крейсер стратегического назначения
РСД	ракета средней дальности
СБ ООН	Совет Безопасности ООН
СНВ	стратегические наступательные вооружения
СНВ-1	Договор между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (1991 г.)
СНП	стратегические наступательные потенциалы
СПРН	система предупреждения о ракетном нападении
СЯС	стратегические ядерные силы
ТБ	тяжелый бомбардировщик
ТЯО	тактическое ядерное оружие
ШПУ	шахтная пусковая установка
ЦОД	центр обмена данными
ЯО	ядерное оружие
EASI	Euro-Atlantic Security Initiative
NSP	Nuclear Security Projec
NTI	Nuclear Threat Initiative

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Список участников конференции, состоявшейся 18 апреля 2011 г. в ИМЭМО РАН

1. А.А. Дынкин, академик-секретарь Отделения Глобальных проблем и международных отношений РАН, директор ИМЭМО РАН, академик РАН.
2. А.Г. Арбатов, руководитель Центра международной безопасности (ЦМБ) ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН.
3. И.А. Ахтамзян, доцент кафедры международных отношений и внешней политики МГИМО-Университет МИД РФ.
4. В.Г. Барановский, заместитель директора ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН.
5. М. Герсон, аналитик Центра военно-морских исследований (США).
6. А.М. Гольц, военный обозреватель заместитель главного редактора Интернет-издания «Ежедневного журнала».
7. В.З. Дворкин, главный научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН, генерал-майор (в отставке).
8. А.С. Дьяков, директор Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии МФТИ(У).
9. В.В. Евсеев, старший научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН.
10. В.И. Есин, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН
11. Р. Жанлоз, профессор Калифорнийского университета (США).
12. П.С. Золотарев, заместитель директора Института США и Канады РАН, генерал-майор (в отставке).
13. В.М. Иванов, ответственный редактор «Интерфакс-АВН».
14. В.И. Игнатъев, ведущий советник комитета по обороне Государственной думы, капитан 1 ранга (в отставке).
15. Э. Иффт, профессор Джорджтаунского университета (США).

16. Н.И. Калинина, главный научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН.
17. А.Н. Калядин, главный научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН.
18. Э.В. Кириченко, руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН.
19. В.П. Козин, заместитель директора Департамента информации и печати, руководитель Информационно-аналитического центра МИД РФ.
20. В.С. Колтунов, заместитель директора Института стратегической стабильности, генерал-майор (запаса).
21. Б.И. Моржицкий, глава московского представительства корпорации «International Services and Advisors Inc.», капитан 1-го ранга (в отставке).
22. Е.В. Мясников, ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии МФТИ(Университет).
23. С.К. Ознобищев, заведующий сектором ЦМБ ИМЭМО РАН.
24. Л.В. Панкова, заведующий сектором ЦМБ ИМЭМО РАН.
25. А.В. Радчук, советник начальника Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса.
26. В.И. Рыбаченков, ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ-Университет.
27. А.Г. Савельев, заведующий Отделом стратегических исследований ЦМБ ИМЭМО РАН.
28. В.И.Сажин, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.
29. В.С. Слипченко, бывший эксперт Комитета Совета Безопасности ООН, учрежденного резолюцией 1540.
30. В.И. Сотников, старший научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН.
31. В.С. Сталинский, советник Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ;
32. Р.М. Тимербаев, член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, чрезвычайный и полномочный посол;

33. Г.Г. Тищенко, руководитель Отдела оборонной политики РИСИ;
34. П.В. Топычканов, старший научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН.
35. С.В. Целицкий, научный сотрудник Отдела стратегических исследований ЦМБ ИМЭМО РАН.
36. А.Д. Цыганок, руководитель Центра военного прогнозирования Института политического и военного анализа.
37. В.И. Цымбал, заведующий лабораторией военной экономики Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара.
38. М. Чалмерс, профессор Института изучения проблем безопасности и обороны (Великобритания).
39. Г.И. Чуфрин, член-корреспондент РАН, советник РАН
40. Т.А. Шаклеина, заведующий Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО-Университет МИД РФ.
41. Дж. Эктон, старший научный сотрудник программы «Ядерная политика» Фонда Карнеги за международный мир.
42. Ю.К. Шиян, главный эксперт по контролю над вооружениями и нераспространению оружия массового уничтожения Президиума РАН.